

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТЕМНОЕ ДЕЛО

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Темное дело

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Темное дело / Л. Соболева — «АСТ», 2017 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-104193-9

Никита Кораблев обожает свою красавицу-невесту Алику и ждет не дождется свадьбы. До счастливого события остаются считанные дни, когда появляется Яна с крошечным Никиткой. Они приехали к любящему папке, который их очень ждал, забрасывая милыми смс и денежными переводами. Никита в ярости: он не знаком с Яной и физически не мог участвовать в зачатии малыша. Никто ему не верит, зато осуждают все. Но это лишь первый шаг на пути полного уничтожения Кораблева. Далее следует обвал в карьере и подозрение в убийстве. Теперь за Никитой и его защитницей — адвокатом Серафимой — охотятся и милиция, и тот, кто затеял травлю... Ранее книга издавалась под названием «До и после конца света»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104193-9

© Соболева Л., 2017
© АСТ, 2017

Лариса Соболева

Темное дело

1

Человек предполагает, а... другой мешает

– Кто? – спросила Катерина Андреевна, всматриваясь в дверной глазок.

Дверь старая – труха трухой, стеклышко глазка залеплено грязью, а может, в подъезде лампочка перегорела, разглядеть, что за человек пришел, она не смогла, открыть не решалась. Голос у нее никогда не отличался громкостью и резкостью, а возраст (ей шестьдесят, но былой активности нет с пятидесяти) добавил тусклости, за дверью наверняка не расслышали.

– Кто там? – чуть громче повторила Катерина Андреевна после паузы.

– Извините, мне нужна четвертая квартира, – сказал молодой мужчина, незнакомый. – Здесь нет света, я ничего не вижу...

– Четвертая квартира моя. А вы кто?

– Я живу в соседнем доме, в моем почтовом ящике нашел две ваши платежки и газету про здоровье. Положу все у двери, заберите. До свидания.

Катерина Андреевна не успела поблагодарить за платежки, которые ждала, изрядно нервничая, ведь не оплатишь вовремя счета – начислят пени, но их не приносили. Оказывается, принесли, да кинули не туда. Она слышала, как молодой человек сбегал по лестнице – это в темноте-то! Но молодежь полагает, что не свернет себе шею ни при каких обстоятельствах, осторожничают люди только в старости. О! Будучи уже почти внизу, он чертыхнулся, одновременно раздался характерный шум, когда оступаются и едва не падают. Немудрено, это же не дом, это ископаемый двухэтажный коробок, где доживают свой век такие же ископаемые жильцы. Стены, правда, еще прочные, но начинка прогнила, деревянные ступеньки стерлись посередине, перила ветхие, штукатурка осыпалась.

В подъезде стало тихо, Катерина Андреевна щелкнула одним замком, потом вторым, открыла дверь и опустила голову, глядя на коврик, но там долгожданных платежей с газетой не обнаружила. Может, у стены сбоку он кинул?..

Неожиданно она получила удар в живот, в нее врезалось нечто острое, дырявящее насквозь. Катерина Андреевна не поняла, что произошло и почему, а боль была настолько сильная, адская, что женщина не рассмотрела, кто перед ней, потому что перед глазами пошли разноцветные круги, сгущающиеся в черноту. Но ноги... ноги сами отступали назад, женщина не прилагала усилий, подсознательно ногами руководила голова, заставляя уйти от убийцы. Катерина Андреевна вся находилась в боли, будто боль – это непомерных размеров бесформенное существо, а она маленькая и парила в ней, как в космосе. Широко распахнув глаза, она пяtilась и пяtilась, но вдруг наступило частичное прояснение, Катерина Андреевна увидела чей-то силуэт, движущийся к ней...

Второй удар был более мощным и страшным, он попросту отбросил ее в комнату, женщина упала навзничь...

Минут через двадцать молодой человек лет тридцати с небольшим, открыв дверь, вошел в подъезд и предупредил спутницу:

– За мной иди, тут темень. Давай руку... Четвертая квартира на втором этаже...

– Помню, – отозвалась она, переступая через порог. – Станный дом, квартиры первого этажа имеют отдельный вход и с другой стороны...

– Осторожно, здесь ступенька! – снова предупредил он. – Ничего странного не вижу, дом как дом, это же район трущоб, если ты заметила, а в трущобах странности не должны удивлять. Держись за перила.

– Надо было оставить дверь открытой, какой-никакой, а с улицы идет свет.

– Как оставить? Она на пружине, сама захлопывается.

– Посвети мобильником, что ли.

– А это идея.

Он достал телефон, свет от него хоть и яркий, но на луч от фонарика не тянул. Худобно, добрались, стоя на площадке, молодой человек, осветив дверь квартиры, увидел цифру 3.

– Нам сюда, – шагнул он к четвертой квартире.

Найдя кнопку звонка, надавил на нее пальцем, раздался довольно громкий переливчатый звон, будто они находились внутри. Девушка – славненькая брюнетка со строгой прической гимнастки и примерно такой же фигурой – тронула его за плечо, произнесла:

– Кажется, не заперто. Тут щель... свет...

– Стой, – шикнул он, когда она решительно вознамерилась взяться за ручку. – Подождем, а то как поднимет шум, мол, воры-грабители.

Никто не отозвался, он снова нажал на кнопку звонка, потом еще, и звонил с полминуты – тщетно. Полоска света в дверной щели явилась большим соблазном заглянуть в квартиру, ведь причин того, что звонок хозяйка не слышит, много – глуховата, или находится в ванной, или в наушниках медитативную музыку слушает, сидя на коврик в позе лотоса. Он тронул дверь, та легко поддалась, в квадратной прихожей горел красноватым светом настенный светильник, на полу лежал ковер, справа находилась вешалка, под ней – полка с обувью.

– Катерина Андреевна! – крикнул он. Не получив ответа, вошел и, бросив взгляд прямо, заметил тело на полу в комнате ногами к входной двери. – Скорее, ей плохо...

Он кинулся к телу на полу, его спутница – за ним, но у ног женщины оба остановились, словно по приказу. Еще бы! От увиденного оба застыли в шоке, стоило больших усилий держать себя в руках, а не дунуть со всех ног отсюда. Светло-голубой махровый халат на груди и на животе женщины основательно пропитался кровью.

– Господи, она... мертва, – шепотом сказала девушка.

– Не паникуй, может, еще жива...

Вообще-то его спутница не паниковала, он уже привык к тому, что, даже ругаясь, она не выходит из себя в отличие от него. Однако сейчас его больше интересовало другое... Что здесь случилось? Мысль об убийстве пока не приходила в голову. Он согнулся, внимательно изучая пол, на нем рассмотрел пятна крови, оказывается, они идут по ковру дорожкой от самого входа.

– Стой на месте, тут везде кровь, – предупредил он спутницу.

Стараясь не ступить на пятна, молодой человек очутился возле туловища, осторожно присел, тщательно подобрав полы кожаного пальто. Стоило взглянуть в лицо пожилой женщины с не полностью закрытыми веками, и становилось ясней ясного, что хлопотать бесполезно, но он потрогал пульс на руке, затем приложил пальцы к шее, не желая верить, что она мертва. Глаза его опустились, попав на окровавленный нож, лежавший у предплечья женщины.

– Ты права, мы немного опоздали, – сказал он, посмотрев на спутницу. В следующий миг удивленно вскинул брови: – Зачем это?

Девушка снимала мобильным телефоном происходящее, ответив ему довольно хладнокровно, хотя, по идее, должна была бы если не в обмороке валяться, то хотя бы трястись от страха при виде окровавленного трупа:

– Разве ты не видишь, что ее убили? А мы здесь по какой-то дурацкой случайности... Не люблю случайности вместе с неожиданностями, поэтому снимаю на видео. Вдруг пригодится. Сколько сейчас времени?

– Тридцать три минуты девятого, – посмотрев на часы, сказал он. – Нож сними.

– Где?

– Да вон лежит. Ниже плеча.

– Боже, какой кошмар... Мы вошли в квартиру примерно... м-м-м... около половины девятого, – комментировала она, направляя телефон на своего спутника, труп и комнату. – Квартира была открыта... кругом порядок... на полу пятна крови... дорожкой... ведут от входной двери. Видимо, Катерина Андреевна убегала в комнату, когда ее ранили. Следов ограбления не видно... – Девушка проследовала в смежную комнату. – Помешать мы не могли, здесь никого не было... Значит, ее убили не ради наживы, то есть не грабители... Ты сказал, мы немного опоздали, что имел в виду?

– Она теплая. Теплая, как ты и я.

– Значит, убили незадолго до нашего прихода. Очень жаль.

– М-да, не повезло, – опустил он голову.

– Что там за шум?

Визг тормозов послышался снаружи, молодой человек быстро подошел к окну и тут же отпрянул от него.

– Кажется, мы влипли. Милиция!

В данных обстоятельствах вид выпрыгивающих на тротуар вооруженных ментов, ринувшихся в подъезд, словно на захват террористов, у кого угодно вызовет спазм сосудов и остановку сердца. Молодой человек зажмурился. Да, от ужаса. Еще совсем недавно разве мог он предположить, что его жизнь резко изменится? И такое ощущение, будто некто дирижирует неудачами, расставляя их на его пути...

Два с небольшим месяца назад

Последняя деталь... И эта деталь заструилась невесомым водопадом от макушки до бедер, Алика развернулась к подруге:

– Ну, что скажешь?

– О-ой!.. – не находила слов Ляля, молитвенно сложив руки. Она не усидела в кресле, начала обход невесты. – Мама моя! Фигурка, плечики... Украшения будут лишними, не цепляя на себя ничего, твоя шея сама по себе украшение. И, знаешь, я бы отказалась от фаты. Боже, какой воздушный наряд...

– Действительно, невесомое платье. – Подхватив многослойную юбку, Алика завертелась волчком. – Нет, правда, тебе нравится?

– Ты еще сомневаешься? Или мне надо расписать, какая ты красивая?

– Расписывай, – перестала крутиться Алика, – я не против.

На гадости подавляющее большинство не скупится, раздает их направо и налево с особым наслаждением, будто за испорченное настроение получит бонус в денежном эквиваленте. А Ляля не скупа на похвалы, да жалко, что ли, наговорить приятностей? С готовностью она открыла рот, но в комнату постучалась мать невесты:

– Девочки, Никита с Германом пришли. К вам можно?

– Нет! – в унисон закричали обе, после Алика добавила: – Мам, скажи, пусть подождут, мы сейчас. Лялька, расстегни... Никита не видел платье, говорят, нельзя показывать, хотя не понимаю почему.

– Я сама не понимаю. – Подруга помогла снять белоснежный наряд, повесила его в шкаф, аккуратно расправив складки. – Вы же давно знаете друг друга, живете вместе, просто решили зарегистрироваться.

– Если быть точными, полтора года знакомы, – одеваясь, сказала Алика. – А все равно у меня чувство, будто с того момента, как нам вручат свидетельство, жизнь начнется заново.

– Точно, точно. Начнется, – с двойным смыслом заверила Ляля. – Мы с Германом после свадьбы провели пять дней в облаках – на больший срок его не отпустили с работы, а на шестой день он приезжает в перерыв домой и заявляет с порога: «Я приехал к жене, где обед?» А я не ждала его, накормила бутербродами, он давился, но ел. Потом намекнул, что хотел бы, уезжая на работу утром, стремиться назад, то есть ко мне. И спросил, к чему же ему стремиться – к бутербродам и растворимому кофе? Я сделала выводы и вот уже шесть лет парюсь у плиты, в перерывах перевожу технические тексты, от которых мозги скручиваются.

– А если бы твоя работа не позволяла много времени проводить дома? – расчесывая каштановые кудри, спросила Алика.

– Было бы как-то по-другому, но работу я бы не бросила. Знаешь, Алька, до свадьбы, даже если пара живет вместе, это жизнь вприглядку, а после начинаются открытия, иногда не очень приятные.

– Зануда твой Герман. И обжора, что ярко отразилось на его фигуре. Кучу денег зарабатывает, а не догадался нанять кухарку, эксплуататор.

– Дурочка, мне же нравится быт, к нему нужно подходить творчески, тогда он не надоедает. А тебя я просто предупреждаю, что семейная жизнь не сю-сю, как было до свадьбы, это еще и умение создавать атмосферу взаимопонимания, не умаляя притом своих интересов. Но атмосфера зависит от женщины и ее желания сделать удобным дом для себя, а значит, и для тех, кто рядом.

Заканчивая подправлять макияж, Алика с завидной самоуверенностью заявила:

– У меня получится. И перестань страшить, мы с Никиткой под одной крышей живем уже полгода, оба взрослые, мне двадцать восемь, ему тридцать три, наш брак осознанный. Не думаю, что после свадьбы произойдут коренные изменения в нем. Да, я волнуюсь. Это же перемена, окончательный выбор, надеюсь, на всю жизнь. Мне хочется праздника.

– Ну, праздник тебе гарантирован, – рассмеялась Ляля. – Грандиозный. И пять дней облаков, а на шестой...

– Чшш, – приложила палец к губам Алика. – Не надо про шестой день, лучше поедem посмотреть квартиру.

Мужчины не преминули высказать возмущение, в частности Герман, ведь за время ожидания они успели выпить по чашке кофе и поговорить о погоде с мамой Алики. Он рослый и полноват, дымчатые очки (почему-то именно они) делали его немного похожим на буржуа, каких рисовали в мультиках советской эпохи. Да, Герман солидный, немножко брюзга, а в общем, производил впечатление надежного сейфа – очень большого. Так ведь положение обязывало его держать марку президента дочерней фирмы холдинговой компании.

Никита полная ему противоположность, правда, ростом не уступал Герману. Зато сочетание модельной внешности и коммуникабельности, смирного характера (в зависимости от обстоятельств) и в то же время твердости, когда решаются важные вопросы, притягивали к нему людей, Никите доверяли. Он второй после Германа, хотя большинство и негласно считали его первым, потому что голова у него – потрясающий счетчик, он всегда оказывался прав, а его предложения и проекты всегда были практичными.

Девушек ворчание Германа несколько не тронуло, Алика упала на диван и чмокнула жениха в щеку, а Ляля затрещала:

– Никитка, когда ты увидишь Алику в подвенечном платье, у тебя дар речи пропадет. Она прекрасна, как... как облако. Во время регистрации я буду стоять рядом и толкать тебя, твоя задача говорить одно слово «да». Иначе мы не услышим, что ты согласен взять Алику в жены.

– Мы теперь будем полчаса обсуждать платье, которое с Никитой не видели? – поднялся с дивана Герман. – Поехали.

– Куда ты торопишься? – пожала плечами Ляля, идя к выходу. – Расслабься, сегодня законный выходной, дети с няней, у нас куча времени.

– Не люблю выбиваться из графика, – пробубнил Герман.

Водитель доставил их к недавно выстроенному дому, не все жильцы закончили отделку квартир, не все въехали, но кодовые замки поставили. До этого Алика с Никитой жили в однокомнатной, теперь же... О, теперь планов вагон, а «вагону» негде развернуться в малогабаритном помещении, негде и фантазии проявиться. Пока новоявленный владелец жилплощади набирал код, Алика предупредила друзей:

– Квартира к приему гостей не совсем готова, есть недоделки...

– Да знаем, знаем, – снова проворчал Герман, но вдруг хихикнул: – Главное, чтобы спальня была готова.

– Спальня готова полностью, – рассмеялась Алика, слегка смутившись. – Заходите. Ляля, я хочу попросить тебя помочь мне выбрать люстры и кое-что из предметов интерьера, а то у меня уже голова кругом...

– Обставить наш дом я доверил Алике, – с гордостью сказал Никита, пропуская друзей в лифт, – у меня все равно нет времени. А она устала от беготни, к тому же отвлекает меня, советуясь. Ну что я могу посоветовать заочно? Одна надежда на тебя, Ляля.

– Завтра же поедем по магазинам... – Через минуту, переступив порог квартиры, подруга ахнула: – Великолепно. Прихожая должна быть просторной... А что у нас тут?

– Гостиная, – поспешно ответила Алика. – Сюда и нужна люстра. Хочется оригинальную, а не помпезную, чтобы было простенько, но со вкусом...

Обошли всю квартиру, пахнущую недавним ремонтом, Герман вслух заметил, что Алика преувеличила, говоря о недоделках, их попросту не видно. Выпили по бокальчику шампанского, наскоро «обмыв» квадратные метры, и поехали в ресторан отмечать новоселье. Собственно, это предлог посидеть вчетвером, потрепаться о том о сем, обсудить предстоящую свадьбу и много-много всего, включая работу, без которой мужчины не мыслят существования. А что говорить о женщинах? У них тем в миллион раз больше – никакого времени не хватит, чтоб вскользь коснуться десятой части.

Возвращались в первом часу ночи, водитель сначала отвез Германа с женой, потом – Никиту с Аликой. Вошли в подъезд и... Их можно понять: в течение нескольких часов одни разговоры, звон бокалов, а целовались только во время танцев, да и то украдкой, разве это поцелуй? С тех пор как окончательно приняли решение – женимся, и точка, начался новый виток влюбленности, наверняка после свадьбы, до которой осталась неполная неделя, чувства вспыхнут с новой силой, потому что Ляля права: сначала приглядывались и проверяли, смогут ли создать нечто единое, необходимое обоим, а для этого приходилось жертвовать некоторыми привычками, но обоюдное желание созидания оказалось сильнее. Сейчас они становились родными, именно тем неделимым ядром, без которого настоящей семьи не может быть.

– Никитка... – отстранилась опьяненная поцелуями Алика. – Нам всего лишь подняться на десятый этаж, давай продолжим дома?

– Хорошо. – Он нажал на кнопку лифта, снова обнял Алику. – И дома мы сделаем мальчика, похожего на меня.

– Ни-ни-ни! Мы же выпили!

– Да сколько там выпили...

– Я хочу здоровых детей, – отрезала Алика, входя в лифт. – Отгуляем праздники, потом хотя бы пару недель не возьмем спиртного в рот, а ты еще и курить не будешь. Дети, Никитушка, должны приносить радость, а не страдания.

– Говоришь так, будто мы законченные алкоголики.

– А ты взял пример с Германа и ворчишь, ворчишь, – потрепала его за чуб Алика. – И потом, милый, я же не отказываюсь любить тебя сегодня и всегда, но дети... это очень ответственно.

Едва Никита сделал попытку снова обнять без пяти дней жену, остановился лифт. Оба выскочили на площадку со смехом, хотя повода не было, но счастью тесно держаться в рамках невозмутимости, оно всегда улыбается или смеется без причин, вырывается наружу. На ходу он доставал ключи, как вдруг:

– Никита!

Оба оглянулись. На подоконнике у двух лифтов сидела хорошенькая девушка – светлая шатенка, почти блондиночка, с чудным личиком жительницы мифической страны эльфов, пышненькая, словно пирожное со взбитыми сливками. Рядом с ней лежал грудной младенец, завернутый в кружевной конверт.

– Вы мне? – спросил Никита.

– Да, – встала она. – Вот... я приехала...

У женщин чутье сравнимо разве что с прибором, улавливающим мизерные подвиги в земной коре, посему Алика раньше Никиты получила сигнал: внимание, через шестьдесят секунд наступит конец света, отсчет пошел!

– Кто это? – настороженно вымолвила она.

– Я... – смутилась девушка, опустив длинные ресницы, и с непосредственной простотой ответила: – Я невеста Никиты.

– Моя – кто?! – У него вытянулось лицо, глаза едва не вылезли из орбит, и рука описала в воздухе нечто неопределенное, после вырвался нервный смешок: – Девушка, вы обознались. Я вас первый раз вижу, а моя невеста вот, – указал он на Алику. – В пятницу у нас свадьба.

Она вскинула эльфийские глаза, закусив пухленькую губу, после этого растерянно перевела их с него на Алику. Затем снова уставилась на Никиту и чуть слышно, дрожащим голосом произнесла:

– Свадьба?... Твоя?! А... А как же я?... А как же наш сын?

– Что?! – обалдел Никита и, конечно, не пришел в восторг от сознания, что он отец. – Наш кто? У меня сын есть?! Откуда?!

– Да, есть, вот он, – подхватила она сверток, к счастью, младенец не раскричался на весь подъезд. – Почему ты притворяешься, будто не знаешь о нем?

– Я притворяюсь?!

– Да. – У девушки задрожал подбородок. – Мы же договорились: я получаю диплом в институте, малыш как раз подрастет, и приезжаю к тебе... Я все успела и... и приехала... А ты... ты... ты обманывал меня?

Одна слеза, большая и блестящая, выкатилась из глаза и упала на пол, на ресницах другого глаза повисла вторая. У Никиты не находилось слов, он лишь фыркал, глупо усмехался, не зная, как вести себя в данном случае. Но когда взглянул на Алику... ему стало нехорошо, как и она, он почувствовал приближение конца света, тем не менее неубедительно произнес:

– Ты веришь этой?... Она либо авантюристка, либо меня с кем-то спутала.

– Открой дверь, – сухо сказала Алика.

– Действительно, – решительно двинул он к квартире, – лучше прекратить этот бессмысленный разговор сразу.

– Заходите, – пригласила девушку Алика.

– Ну нет! – перегородил вход Никита. – Сюда она не войдет...

– Войдет, – перебила Алика. – Я хочу ее выслушать.

– А я не хочу, – на этот раз жестко перебил он. Первый шок прошел, его сменило раздражение – элементарная реакция на происходящий идиотизм. – Повторяю: я эту юную мамашу не знаю, никогда не видел! Может, у нее с мозгами не порядок, при чем здесь мы?

– Но тебя она, судя по всему, знает, – без эмоций сказала Алика.

Она была спокойна, пожалуй, чересчур спокойна, притом вся неестественно подтянулась, словно молоденькая учительница, идущая первый раз на урок к старшеклассникам, – именно этот образ навевал ее отважный вид.

– Откуда?! – прыснул Никита. – С чего ты взяла?

– Она назвала твое имя. Твое, а не чужое. Почему ты принимаешь девушку в штаны, Никита? Давай вместе выслушаем ее, если произошла ошибка, то сейчас это выяснится. Заходите, заходите... Вас, девушка, как зовут?

– Яна, – робко переступив порог квартиры и озираясь, представилась молодая мама.

– Замечательное имя, – нашла в себе силы улыбнуться вежливая Алика. – А меня Алика. Проходите в комнату, располагайтесь... Может, ребенка положим в спальне, чтобы не разбудить?

– На нашу кровать я не разрешаю его класть, – воспротивился Никита категоричным тоном.

– Хорошо, – не спорила Алика. – Положим его в комнате, которую мы планировали сделать детской... Идемте, Яна, там есть кровать... пока для гостей.

– Да не беспокойтесь вы так, – все больше смущалась Яна, следуя за невестой своего жениха. – Ночью он спит крепко до самого утра, с ним вообще нет проблем.

– Значит, мальчик здоровый. Сколько ему?

– Четыре месяца. Он уже улыбается мне.

– А как называли мальчика?

Яна опасливо взглянула на Никиту, который смотрел на нее исподлобья, и очень тихо ответила:

– Как отца. Никитой.

– Никита Никитович? – громко сказала Алика для тех, кто, возможно, не расслышал. – Звучит. Идемте, Яна, ему там будет удобно...

Женщины ушли, а Никита фыркнул им в спины, заложил руки в карманы брюк, поднял плечи, припоминая, где и когда он с этой... Не припомнил. Вновь фыркнув, словно морж, вынырнувший из проруби, достал из бара бутылку виски и стакан, налил, выпил глоток, второй... Здорово сосуды расширяет, только вместе с подогретой кровью по жилам растекался яд беспокойства.

Девушки вернулись без ребенка, Алика указала Яне на кресло, сама уселась рядом с ней, но так, чтобы видеть главное действующее лицо – жениха, который стоял посреди гостиной, как обелиск, воздвигнутый в память о «подвигах» неверных мужчин. Она молчала, потому что подсчитывала: ребенку четыре месяца, плюс девять месяцев, итого – тринадцать. О, у нее с Никитой уже были постельные отношения, выходит, он одновременно... Неприятное открытие, но горячку не стоило пороть, требовалось подтверждение, доказательства.

В то же время Яна, испытывая неловкость, не смела глаз поднять ни на обманщика, ни на его невесту. Вместе с тем девушка держалась с достоинством, наверное, не желая выглядеть в глазах Алики соблазненной и покинутой жертвой. Исподволь она изучала обстановку, не к месту, очевидно из-за волнения, с ее уст слетело:

– Шикарно здесь у вас...

Алика встрепелась и задала вопрос Яне:

– Вы утверждаете, что это... – указала она пальцем на жениха, – отец вашего ребенка, так?

– Так, – кивнула Яна.

– Бред, – бросил Никита. – Мне надоело слушать бред!

– Подожди, – отмахнулась от него Алика. – Как я поняла, Яна, вы...

– Можно на «ты», – вставила молодая мама.

– Взаимно. Итак, ты, Яна, говорила, что Никита притворяется, будто о сыне не знает...

– Нет у меня сына! – взвился он. – Его у меня не может быть! У меня не бывает случайных связей.

– ...получается, – оставив его эмоциональный всплеск без внимания, говорила Алика одновременно с ним, – ты сообщила Никите, что родился ребенок?

– Конечно, – сказала Яна. – Мы с ним и перезванивались, и писали...

– Писали? – оживилась Алика. – У тебя есть его письма?

– Ну, не совсем письма... то есть не вручную написанные. Мы переписывались эсэмэсками и по электронной почте...

– А! – вскинул руку Никита, сардонически рассмеявшись. – Вот ты и попалась, детка! Покажи нам эсэмэски. Хотя бы одну. И почту. Раз я писал тебе... Покажи!

Последнее слово он так гаркнул, что девушка вздрогнула, подавшись назад. Чтобы разъяренный бык не кинулся на нее, Яна поспешно пролепетала:

– У вас есть компьютер с Интернетом?

– Есть, есть, – недобро усмехнулся Никита. – У нас все есть. Прошу в ту комнату.

В кабинете, где тоже пахло ремонтом и новой мебелью, выдержанной в офисном стиле, он уселся в кресло, заметно повеселев, включил ноутбук, вышел в Интернет, затем уступил место Яне:

– Давай, детка, входи в свой почтовый ящик и покажи мои письма.

– Раз ты настаиваешь...

– Настаиваю! – Он грубовато подтолкнул ее к креслу. – Еще бы не настаивать, когда тебе «сюрприз» в одеяле приносят, к которому не имеешь отношения.

Пока он бурчал, Яна пробежалась по клавиатуре пальчиками и посмотрела на Алику, что для той явилось знаком: готово, смотри. Та наклонилась к монитору, опершись руками о стол, в следующий момент ее голос дрогнул:

– Это же твой адрес, Никита...

Он резко подался корпусом вперед и онемел, остолбенел, нет, окаменел! В строке «от кого» длинный перечень из одного адреса – его адреса! Следовательно, писем много. Вдобавок его добивал тон Алики – какой-то прокурорский, без нюансов:

– Ты же не будешь отрицать, что письма отправлены с твоего почтового ящика? Адрес при получении письма вносится автоматически, тут уж ничего подделать нельзя. Яна, а можно прочесть хотя бы одно письмо?

Девушка не успела ни отказать, ни дать согласие, за нее решил Никита:

– Не надо!

– Почему? – выпрямилась Алика.

– Потому что чувствую... – выпрямился и он, оба стояли по бокам кресла с Яной, как два петуха на изготовку перед боем. – Эта дрянь неплохо подготовилась. Не знаю, чего она добивается, отцовства я не признаю никогда! – поводит он указательным пальцем из стороны в сторону. – Но лжет... лжет она профессионально.

– А я хочу посмотреть, что написано в этих письмах! – процедила Алика, прищурив золотистые глаза, которые вдруг стали цвета меди. Видимо, внутри она накалилась, как электрическая лампочка, до которой не дай бог дотронуться рукой. Глядя на своего обожаемого жениха, Алика повторно спросила разрешения: – Можно прочесть, Яна?

– Но Никита против, – невнятно пролепетала девушка.

Тот злорадно расхохотался и в бешенстве заходил по кабинету. Однако на всякий отказ можно найти убедительный довод, например, в виде маленького шантажа:

– Если я не прочту, Яна, для меня эти адреса не будут доказательством, что мальчик – сын твой и Никиты. А я должна знать, на пятницу назначена свадьба. Ты же приехала к любимому мужчине? Вот и отвоевывай его.

– Что ты несешь, Алика? – застонал Никита. – Почему мне не веришь?

– Я хочу поверить, – парировала она. – Поэтому должна прочесть!

Неожиданно Яна вскочила и начала отступать к двери, бормоча извинения вместе с упреками:

– Не могу больше... Понимаю, мой приезд – неожиданность, простите... Алика, ты меня прости, я не знала, что у вас... я вообще про тебя не знала... Никита, ты не должен был так поступать, я ведь верила тебе... Не понимаю, зачем нужно было лгать? Ты же радовался, когда узнал, что у меня будет ребенок...

– Я тебя сейчас убью! – ринулся на нее отец-отказник.

Но между ними встала Алика, словно Родина-мать, защищая собственным телом дитя обмана:

– Не смей ее трогать!

– Убирайся! – озверело зарычал Никита перепуганной девушке. – Пошла вон, аферистка!

Алика не давала ему подойти к Яне, одновременно давила на его совесть:

– Куда ты ее гонишь с ребенком? Она же приезжая! Где ей ночевать?

– А ты считаешь, ее нужно положить на нашей кровати? Между нами? Пошла вон, я сказал! И чтобы духу твоего здесь больше не было! Никогда!!!

Разумеется, последние фразы предназначались Яне, вжавшейся в угол и беспомощно хлопавшей глазами. Но Алика... Ее накрыло благородство или еще какая-нибудь дурь из той же серии, она снова загородила девушку своим телом, раскинув в стороны руки, и выдала угрозу:

– Тогда я отвезу ее ко мне домой!

– Кого?! – осатанел Никита. – Эту?!? Меня ты знаешь давно, а ее первый раз видишь и поддалась на дешевый развод? Она же тебя разводит, тебя! Меня бесполезно...

– Никита, хватит! – взвизгнула Алика, схватившись за голову.

– Пожалуйста, не ссорьтесь, – проблеяла Яна. – Мне есть где переночевать, я остановилась у родителей Никиты, они меня приняли...

– Ты еще и родителей вмешала?!? – заорал он.

– А как бы я вошла в подъезд? Твой папа сказал код...

– Вон!!! Сейчас же вон отсюда!

Яна выскользнула за дверь кабинета, некоторое время был слышен ее топот из комнаты в комнату, потом к прихожей, затем хлопнула входная дверь и наступила тишина... как после атомного взрыва, оставившего одни руины.

2

Не боевик, но где-то близко

– В подъезд бегут... – хрипло выдавил молодой человек, отступая от окна.

– Еще одна случайность? – вымолвила его спутница испуганно.

При всем при том у нее хватило ума ринуться к выходу, захлопнуть дверь и закрыть замки, которые щелкали отчаянно громко, как казалось ему, парализованному происходящим.

– Ты что сделала? – напустился он на нее. – Мы ж теперь в ловушке.

– Мы так и так в ловушке, – заматавшись по квартире, сказала она шепотом. – Случайно наткнулись на убийство, случайно женщина убита перед нашим приходом, случайно сюда приехали менты... М! – досадливо всплеснула руками. – Там спальня, окна тоже выходят на улицу... Господи! Неужели отсюда не выбраться? А там что?

Но вдруг оба повернулись к выходу – кто-то дергал за ручку, потом яростно забарабанил в дверь, а она и без того трухлявая, вот-вот рассыплется на мелкие деревяшки. Значит, не ошиблись, срочно ища другой выход, милиция приехала точно по адресу. Ой, спастись надо, ой, не хочется здороваться с ментами. Может, они и будут разбираться, но сначала арестуют.

– А ты говорил! – упрекнула она его. – Пока будут ломать замки, у нас в запасе две-три минуты, максимум пять.

Из комнаты, где лежал труп женщины, молодой человек рванул в тесный коридорчик длиной метра два, который под углом переходил в другой. Пройдя и этот коридорчик, оба попали в кухню, из нее большое окно выходило во двор. Одним движением отодвинув стол, он распахнул окно и выглянул наружу – высокогато, но хуже то, что вылезти практически некуда, стена ровная, выступы маленькие, на них не устоишь, если и устоишь каким-то чудом ногами, держаться руками не за что. А дверь уже ломали, в прямом смысле загнанная в угол парочка на миг оцепенела, представив: сейчас менты отстреляют замки и возьмут «преступников» с поличным...

Но мысль переключилась только на спасение, подчинив даже панику, она заставила искать выход из безвыходности. Молодой человек вспомнил, как прошел еще одну дверь – а не заглянуть ли туда? Он вернулся. Это оказался совмещенный санузел, окно было расположено под потолком, небольшое, примерно полметра в высоту, а в длину вытянуто, короче говоря, пролезть можно. Он вскочил на крышку унитаза, открыл фрамугу, которая опускалась вниз...

– Я согласна выпрыгнуть, – послышалось за спиной. – Кажется, им осталось совсем немного, они не станут разбираться...

– Дай табуретку! – потребовал он.

Одним жестом она сбросила с небольшой табуретки всякие флакончики с лекарствами на пол, которым не хватило места на полках, подала за ножку ему. Тем временем он скинул с себя пальто, положил его на край рамы, затем поставил табуретку на унитаз, взобрался, отдав приказ:

– Запри на щеколду дверь.

Она кинулась запирать, ворча с отчаянием:

– Да эта щеколда на соплях держится, ее выбить...

– Замолчи и лезь за мной!

Он уже выбрался наполовину, а пока лез, осмотрелся, лихорадочно соображая, как им быть, куда деваться или спрятаться. Внизу растительности море – какие-то кусты, два дерева, но до стволов не достать, если только не прыгнуть на них. К сожалению, оба не воздушные гимнасты, да и внизу глухой двор, закрытый со всех сторон стенами – куда после бежать? Наверное, там есть выход, ведь за растительностью наверняка ухаживают, а если нет? И куда он ведет? Рисковать нельзя, значит, выход один – на крышу.

На фоне преследующих в последнее время неудач плющ (или нечто вроде этого), густо оплетающий стену, явился просто подарком. Говорят, это растение очень крепкое. Страшно-вато по нему карабкаться на крышу, но разве есть варианты? Их нет!

Второе везение – сам дом. Это вам не современные коробки с ровными стенами, кладка из пористого камня, значит, в проемы и на выступы можно ставить ноги, держась за лианы. И третье везение – быстро сгущались, буквально на глазах, сумерки, а темнота является защитой. Отсветы электрических огней сюда доходили слабо, так что шансы улизнуть незамеченными увеличились, однако время...

– Они уже в квартире! – Вот теперь выдержка изменила его спутнице, девушка не на шутку запаниковала.

– Сказал же: за мной лезь! – тихо прорычал он. – И не ори!

– У меня не очень... выходит...

– Сейчас тебя схватят за задницу... – пригрозил он, дергая толстую лиану с волокнистой корой.

На вид лиана крепкая, молодой человек умудрился и ногу на кривой изгиб поставить. Вторую ступню уложил на каменный выступ, обмотал тонкими стеблями руку, чтобы не сва-

литься, спутница к тому времени вылезла наполовину, но не могла подтянуться. Он схватил неуклюжее создание под мышки и потянул на себя, ворча:

- Ногами отталкивайся...
- От чего? – огрызнулась она.
- Хватайся за ветки, руками помогай!

А она, дура, ухватила за его шею, нога, стоявшая на выступе, соскользнула, их мотнуло в сторону, оба от ужаса зажмурились и отсоединились от стены. Покачавшись на плюще, больно ударяясь о стенку плечами и бедрами, все же не сорвались и не упали вниз.

- Что теперь? – спросила она.

– Карбкайся вверх.

– Вверх? Почему не вниз?

– Не рассуждай! Потом объясню, если убежим.

– Они все равно нас поймают. Думаешь, не догадаются выглянуть?..

– Сначала из кухни полезут за нами, я оставил открытым окно, а там другой двор. К тому же сумерки... почти ночь... Отцепись, полезу первым, потом вытащу тебя на крышу.

– Знаешь... я боюсь.

– Я тоже. Стебли крепкие, должны выдержать. Держись. Лезем...

Девушка обхватила руками плющ и повисла самостоятельно. Молодой человек забрал пальто, которое могло указать, каким образом они сбежали, судорожно натянул его на себя. Наконец оба начали трудный и опасный подъем, работали руками и ногами изо всех сил.

– Мы похожи на двух обезьян... – выговорила она. – На диких-диких обезьян... Не вижу, за что тут цепляться... Ой!..

– Что такое? – переполошился он.

– Все нормально. Неудобно... руки ободрала... и лицо...

– Ничего, пройдет. Ты, может, и похожа на дикую... обезьяну... А я – на человека, который удирает.

– Только бы успеть... Только бы...

– Не трать силы!

Собственно, карабкаться не пришлось высоко, крыша-то вот, буквально рукой подать, просто тяжело с непривычки. Под черепицей висел на ржавых крючках желобок, за эти крючки, желоб и еще за что-то крепкое на крыше намертво прицепились лианы, иначе обе «обезьяны» превратились бы в птичек, пикирующих вниз. Но везение закончилось: крыша пологая и не огражденная парапетом хотя бы из железных прутьев, как на обычных многоквартирных зданиях. Молодым человеком было сделано две тщетные попытки взобраться на крышу, а руки соскальзывали с черепицы, обдирая кожу, правда, боли он не ощущал, и вдруг...

– В ванной окно открыто, – послышалось из квартиры. – И табуретка стоит на унитазе, они сбежали через это окно.

Про пальто не забыл, а про табуретку... Впрочем, некому ее было убирать.

– Вы двое живо вниз, они не должны далеко уйти. – Видимо, приказ отдал начальник. – Остальным проверить все выходы.

О, как эти слова подействовали на беглецов! Перспектива устроиться на ночлег в ментовский обезьянник, а то и на несколько лет в тюрьму, не устраивала обоих. Не сговариваясь и найдя в себе резервный запас сил, они задвигали руками и ногами более активно, чем раньше.

– Преступники или внизу, или сверху, – снова услышали голос из квартиры убитой. – Снаружи шуршание.

В это время молодой человек уже лежал ничком на черепице и дышал точно тягловая лошадь после того, как вспахала поле. Но когда услышал команду начальника, похолодел:

– Поищите люк на крышу. Заметите их, стреляйте на поражение.

Ничего себе! На поражение! То есть беглецов будут расстреливать на законных основаниях? Нет, все это снится, и сон летаргический длится уже месяцы. Пора просыпаться!..

По законам мелодрамы

Ну и тишь наступила после ухода Яны... Но не та тишина – приносящая покой, сон, мир и радость в душу. Это была тишина перед смертельно опасным взрывом, когда знаешь, что он случится точно под ногами, боишься его и ждешь, но как его предотвратить – никому не известно.

Никита ушел в гостиную, принял на грудь добрую половину стакана виски – столько он никогда не пил, считая, что спиртное должно поднимать тонус, для этого достаточно двух глотков. Однако, по слухам, более крупные дозы нивелируют отрицательный заряд, выпив, Никита убедился, что это очередной миф, или его заряд зашкалил. Еще бы не зашкалить!

– Досадная ситуация, – тихо произнесла Алика, вошедшая вслед за ним. – Что будем делать?

– Ты должна верить мне! Мне, а не ей!

Его голосом заговорила обида. М-да, чувство знакомо всем без исключения с сопливого детства, деструктивное по своей природе, иногда ведет к необратимым последствиям. Ну а как быть Алике? Как реагировать на явление в пленках? Думать, что Яна притащилась из другого города, чтобы разыграть их перед свадьбой? Нереально. У нее на руках мощный довесок, опровергающий розыгрыш, а к довеску прилагаются письма...

– Ты не дал мне убедиться, что она лжет, – сказала Алика.

Вопреки ожиданиям спиртное подействовало с точностью до наоборот – не загасило агрессию, а подогрело. Сейчас Никита не знал, что разозлило его больше: Яна с ребенком или отношение Алики, застывшей у стены со скорбным лицом.

– А просто верить нельзя? – напустился он на нее. – Потому что я тебе говорю: она аферистка, не спал я с ней никогда! Не в моем вкусе, знаешь ли. Следовательно, детей от нее у меня быть не может! И писем я не писал ей, до сегодняшнего дня понятия не имел, что существует какая-то Яна. Мое слово для тебя ничего не значит?

– Жаль, ты не взглянул на малыша...

– Не хочу на него смотреть!

– Он похож на тебя, – еще тише выговорила Алика.

– Да что там можно разобрать! – оборонялся Никита, как умел. – Младенцы все на одно лицо. Алика... так нельзя! Давай выбросим эту дрянь вместе с ее ребенком из головы, забудем, будто ничего не было.

– Забудем, – неохотно согласилась Алика. – Ложись, уже поздно, а я телевизор посмотрю, мне надо отвлечься.

Он понял: у нее остался скверный осадок, кстати, у него тоже, но решил, что завтра Алика посмеется вместе с ним над дурацкой выходкой девчонки, пока же ей необходимо время – стереть из памяти Яну вместе с испорченным вечером.

Утром, проснувшись, вместо Алики Никита нашел записку: «Я поехала к дяде Андрону, он обещал договориться насчет лошадей и коляски. Потом поеду к Ляле, встретимся вечером». Обычно она заканчивала послания словом «целую»...

Открыла дверь мама Никиты и ахнула, кажется испугавшись, словно пожаловал ревизор. Она женщина примитивная, типичная представительница домохозяек, у которых в жизни два маршрута: продуктовый магазин и кухня.

– Алика! Здравствуй...

Замешательство Альбины Павловны вполне объяснимо: будущая невестка примчалась ни свет ни заря, а в квартире находится младенец, мамочка которого утверждает, что его отец –

Никита. И это происходит накануне грандиозной свадьбы! Вероятно, именно поэтому Альбина Павловна растерялась и не сообразила пригласить Алику в дом, не проходило ощущение, будто она судорожно ищет предлог не пустить ее.

– Яна у вас? – Своим вопросом, а также доброжелательным тоном Алика дала понять, что намерения у нее мирные.

– Д... да, – сделала шаг назад Альбина Павловна.

Она выглядела совершенно потерянной, и как же ей не хотелось, чтобы встреча двух, так сказать, кандидаток в невестки состоялась. Альбина Павловна не одобряла выбор сына, вернее, не одобрял отец, а она во всем поддерживала мужа. Уж больно Алика самостоятельная, с гонором, слишком много собой занимается, расфуфыренная, как манекен в витрине. Никите нужна другая жена – заботливая, тихая, скромная, чтобы посвятила себя мужу и детям, которые, как она мечтала, обязательно будут. Старший сын (точнее, невестка, тоже стерва) не давал им внуков надолго, а сил становится все меньше, обоим по шестьдесят пять, потребность отдать душу родным внукам появилась давно. Не видела Альбина Павловна доброй жены в Алике, но мнение родителей не берут в расчет. Тем не менее сейчас мать Никиты чувствовала себя очень неловко перед ней, чуть ли не предательницей, словно это она заготовила младенца, чтобы расстроить свадьбу.

Алика вошла, остановила взгляд на коляске, услышав свистящий, одновременно извиняющийся шепот Альбины Павловны:

– Пойми нас, не выгонять же ее было... Все так неожиданно... Я... Мы с отцом впервые в таком положении...

– Я тоже, – прервала ее Алика. – Где она? Хочу с ней поговорить.

– В комнате Никиты...

Алика направилась туда, войдя, по-хозяйски закрыла дверь прямо перед носом Альбины Павловны. Может быть, так поступать некрасиво, бестактно, грубо, тем более в чужом доме, но без свидетелей удобней выяснять пикантные подробности из жизни жениха.

На кровати дрыгал ножками полненький карапуз с соской во рту, в комнате бросился в глаза беспорядок – ползунки, пеленки с распашонками валялись повсюду, а Яна сидела у монитора компьютера. Она оглянулась и, конечно же, удивилась:

– Ты?

– Покажи мне письма, – потребовала Алика.

– Зачем? Вчера все выяснилось, Никита отказался от нас в твою пользу, что тебе еще нужно?

– Я хочу знать правду. Вдруг ты все же врешь, и твой сын не имеет отношения к Никите? Поэтому, помимо писем, ты должна предоставить мне другие доказательства, что именно с ним у тебя была связь, что он знал о рождении мальчика и так далее.

Наверное, Яну задел тон Алики – жесткий, ледяной, в то же время немного высокомерный, немного презрительный и даже снисходительный, счастливая соперница, почудилось ей, демонстрировала превосходство. Помимо воли захочется отплатить, во всяком случае, Яна чересчур резво вскочила, схватила сумку, достала сотовый телефон и протянула его:

– Бери и читай. Я оставила две эсмэски, которые он прислал, когда мы с малышом находились в роддоме.

Алика быстро нашла сообщения, но читала их, малодушно отвернувшись, чтобы Яна не заметила ни злости – это естественное состояние обманутых женщин, ни наворачившихся слез. А молодая мамочка только первый раз (то есть вчера) показалась наивной и беспомощной, раздавленной обстоятельствами, когда любимый мужчина сказал: «Я тебя не знаю». Сегодня в ней проснулся маленький зверек, оскорбленный подозрениями той, которая отняла у ребенка отца, а у нее – мужчину, и зверек требовал мщения, хоть маленького. Не без торжествующих ноток Яна спросила, прекрасно зная ответ:

– Номер телефона чей? (У Алики не было слов, ее задушило разочарование.) Это не все, держи фотографии, любуйся. Половину снимали случайные люди, а там, где одна я, снимал Никита моим фотоаппаратом.

Снимки потрясающие! И что-то в них Алике показалось знакомым, как говорят, до боли. Несмотря на туман в глазах, на бурю внутри, отчего во рту пересохло, она все-таки поинтересовалась:

– Где это вы?

– В Ястребином Гнезде. Моя подруга там работает, я приехала к ней и случайно встретила с Никитой. Мы катались на лыжах, у меня не получалось, потому что впервые встала на них, нечаянно столкнулась с ним и... влюбилась. Он приезжал туда с сестрой, но я с ней так и не познакомилась: вечно она то в косметическом салоне, то на тренажерах, то с друзьями. Думаю, не хотела знакомиться. А это я на шестом месяце, приезжала сюда на день, только чтобы увидеться с Никитой. Письма будешь читать?

Скупой рассказ дополнило богатое воображение, Яна добила Алику, нет, убила. Впрочем, она и так догадалась, где разгорелся страстный роман – места-то на фото знакомые. Но есть письма... Она собралась и обратилась к Яне с просьбой:

– Я распечатаю пару писем? Нет времени, на работу еще нужно успеть, прочту в такси.

– Да мне теперь все равно, печатай, читай – что хочешь делай. И вот, держи... извещения, Никита регулярно высылал мне деньги.

Алика взяла отпуск за свой счет в связи с подготовкой к свадьбе, но при этой девчонке, выдержавшей вчерашний удар стойко, боялась уронить собственное достоинство, окончательно расклеившись. Яна, видимо, заметила, что с ней творится, а скорей всего, по себе знала, каково терять веру в близкого человека и почву под ногами, наверное, она добрее, поэтому нашла утешительные слова:

– А че ты переживаешь? Меня он обманул больше, я теперь с ребенком на руках как дура осталась, победила ты. Я понимаю его, ты очень красивая, вон как одета... Не бойся, доставать вас с Никитой не собираюсь, отойду в сторону, насильно мил не будешь, верно? Так что тебе – Никита и мне – Никита, в общем-то поровну получилось.

Поровну! Алике осталось лишь усмехнуться, признав про себя, что девчонке гордости и мудрости не занимать, в отличие от нее. Наскоро попрощавшись с Альбиной Павловной, которая предприняла слабую попытку задержать ее и что-то там лепетала в оправдание, она выбежала на улицу и поймала такси.

Ляля перебирала фотографии, притом глаза у нее стали как у совы, которую вдобавок еще и перепугали до смерти, она даже веками не мигала. На середине рассказа и просмотра фото Ляля молча встала, достала коньяк, бокалы, налила себе и подруге. Чокаться – повода нет для тоста, тут главное – не свихнуться бы, посему она проглотила коньяк одна, пошарила рукой по столу, так как снова увлеклась снимками, но закуску принести забыла.

– Дальше? – выдавила с трудом Ляля, не отошедшая от шока.

– Что еще ты хочешь услышать? – развела руками Алика, принимавшаяся плакать за время повествования раз двадцать. – Доказательства у тебя в руках. Ах нет, я еще читала эсэмэски. «Родная, любимая Яночка, поздравляю с рождением нашего сына. Твой Никита». «Как ты и малыш себя чувствуете? Постараюсь вырваться и приехать, но не обещаю. Люблю. Целую. Твой Никита». Как, а?

– Скотина, – дала оценку Ляля, снова наливая коньяк, но только пригубила.

– Ты смотри, смотри фотографии! – Противореча себе, Алика вдруг вырвала бокал из рук подруги, видать, саму потянуло взглянуть, и кидала на стол по одной. – Вот они вместе, вот... А здесь она его целует в щеку... Гляди, как на Никиту смотрит – буквально в рот заглядывает, ну, живот сам за себя говорит. Оказывается, Яна к нему приезжала... А на этих сколько эротики!

Яночка голая на постели, томная и готовая отдаться... А вот, как тебе нравится? Просто Даная у окна...

– Немного полновата и простовата, – высказала свое мнение Ляля в угоду подруге.

– Что ты, что ты! – возмущенно частила Алика на высоких нотах. – В самый раз! Мужики любят задницу и мясистые сиськи. Читай письмо. Это последнее, написано две недели назад! Вслух читай. А я выпью.

Ляля прокашлялась – не помогло прочистить горло, она выпила коньяк и начала невнятно бубнить, поглядывая на реакцию подруги:

– «Януся, я мужчина и не меньше твоего мечтаю о встрече с тобой, мне тяжелее пережить воздержание. Осталось немного потерпеть, зато какая будет встреча! Ребенка оставим на мать – она мечтает о внуках, а сами оторвемся, наверстаем упущенное. Не пугайся, всего на одну ночь одолжим маме сына, она не осудит нас. Я дико хочу тебя, готовься потрудиться. Часто ночью представляю, как сам раздеваю тебя, как ласкаю твои...»

– Читай, читай, – процедила Алика. – Вслух!

– Ну, соски ее ласкает, если тебе так хочется услышать, и... – Дальше Ляля беззвучно зашевелила губами, потом отложила лист с письмом. – Думаю, с чтением ты без меня справишься.

Второе письмо она не взяла в руки, правда, краешком глаза все же скользнула по строчкам, так ведь не перевелись еще деликатные люди, а эдакие перлы порнографического содержания не всякий способен произносить вслух. Третье так и осталось лежать сложенным, а Ляля подперла подбородок ладонью и сидела как на похоронах. На минуту Алике показалось, подруга думает не о письмах и чудовищном обмане сразу двух женщин, а о чем-то постороннем, далеком от проблемы, созданной Никитой. А ей сейчас требовалось сочувствие, осуждение подлости, моральная поддержка, жалость, в конце концов.

– Мне он сказал «люблю» один раз! – Для убедительности Алика выставила указательный палец. – Один! Да и то не мне, а родителям: «Я люблю вашу дочь, мы хотим пожениться, как вы на это смотрите?» А тут...

Ляля действительно задумалась, поэтому не подключилась к переживаниям подруги, помимо воли ее глаза возвращались и возвращались к строчкам двух лежащих перед ней писем, осторожно она высказалась:

– Какой-то стиль... не Никиткин. Честно.

– Не Никиткин? – вознегодовала Алика, схватив письмо, затрясла им в воздухе. – А чей? Может, это не его адрес? Здесь четко напечатано: от кого, кому, число. А с чьей трубки отправлены эсэмэски? А деньги кто ей высылал? Я украла одно извещение, смотри. И может, это не он запечатлен с Яной на фотографиях?

– Погоди, – выставила ладони Ляля. – Там, где Яна голая, Никиты нет...

– Конечно. Потому что он щелкал ее фотоаппаратом.

– Ну да, да, – вздохнула она с сожалением, – против фотографий не попрешь, это уже серьезно. Вот сволочь... А с другой стороны, Алика, женится-то он на тебе, а Яну не признает, значит...

– Он вдвойне подл, – закончила фразу оскорбленная подруга. – Заморочил нам обеим головы, но у меня хотя бы нет ребенка.

– Никита сделал выбор, – гнула свою линию Ляля, правда, без напора. – Мужчину не удержишь никаким ребенком, если он не любит женщину. Тебе не стоит так бурно реагировать на его давнишнюю связь, которую он же и оборвал. Что было, то было, а вы с Никитой красивая пара, подходите друг другу...

– Ты не понимаешь, – разочарованно сказала Алика, Ляля же не знала главного. Она пододвинула к ней фотографии с голой и полуголой Яной. – Это он снимал в том же номере, в котором остановились мы. Опять не поняла? Никита с ней и со мной одновременно... На

этом снимке, обрати внимание, моя вещь лежит на кресле! А вот здесь Яна в моем халате! Как я должна относиться к нему? И по срокам все сходится, именно когда мы были с ним в Ястребином Гнезде, она забеременела. Он писал ей на протяжении всех месяцев, что мы с ним жили вместе. Это его ребенок, Ляля, его! Он похож на Никиту... правда, чуть-чуть... но черты угадываются. Мне... мне противно. Чего ждать от него дальше, если изначально он подло обманывал меня?

Двойственное чувство охватило Лялю: с одной стороны, она растерялась и негодовала, историю с внебрачным ребенком считала патологической склонностью ко всякого рода авантюрам, экспериментам над людьми. Сама Ляля вряд ли простила бы Никиту. А с другой – весь этот бред не увязывался с ним, как будто про другого человека услышала, действующего вопреки логике и здравому смыслу. Неужели она, Герман, друзья настолько были слепы, что не заметили в нем червивого нутра? Или это особый недуг успешных людей: головокружительный карьерный рост в результате вытаскивает из человека низменную его часть, порочную и гнилую, доставшуюся от беспринципных предков? В общем, Ляле нечем было утешить Алику, хотя, безусловно, она соболезновала ей (иначе не скажешь), в подобных случаях задают стандартный вопрос:

– Что собираешься делать?

Тут-то подружка и озадачилась, так как вспышка гнева не сформировала последующего за ней шага. В данную минуту Алика ощущала себя жертвой, но той, которая даже перед расстрелом у стенки гордо поднимает голову и с достоинством умирает. Собственно, своим вопросом Ляля подтолкнула ее «к стенке», теперь хоть умри, а достоинство не роняй, Алика твердо сказала:

– Не будет никакой свадьбы.

– Подожди, подожди... – панически замахала руками Ляля. – Зачем так торопиться? Вдумайся! Если Никита говорит, что в глаза не видел Яну и к ребенку не имеет отношения, то почему не проверить?

– Тебе недостаточно?..

– Нет. Недостаточно. Я не защищаю Никиту, против него слишком много улик, но... Давай не сбрасывать со счетов, что сейчас мошенники работают на уровне магов, разводят народ пачками.

– Видела бы ты Яну, – фыркнула Алика. – Ей двадцать четыре, а выглядит на восемнадцать, беспомощно-глупенькой. У нее мозгов не хватит на мошенничество такого рода, чересчур заумный трюк и непосильная ноша – младенец на руках. К тому же, Лялечка, манипулировать ребенком невозможно, это тот аргумент, который бьет все твои доводы.

– Правильно! – воскликнула Ляля, обрадовавшись, что Алика еще кое-как соображает. – Поэтому надо сделать генетическую экспертизу, она расставит все точки. Ну, пожалуйста, оставь Никите хотя бы пять процентов на его порядочность.

Алика вяло закивала, на самом деле слова Ляли ее не убедили, не в том она состоянии была, чтобы возобладать разум. Да и ни один человек в мире, имея на руках компромат, не способен разглядеть в несомненном обмане хитромудрые козни третьего лица. Тем не менее надежда живуча, тем более когда ничто не предвещало катастрофы, а подруга подала идею, которая прояснит ситуацию...

3

Погоня в горячей крови

Но вся правда в том, что это не сон, а реальность, и нужно приложить максимум усилий для спасения, тем более когда обещана смерть от пули. Да в их случае, даже если легко ранят, все равно наступит смерть, ибо, получив пулю, вряд ли они удержатся на крыше, а полетят

вниз... Воображение – сильная штука: представив себя летящим вниз головой, молодой человек словно получил дозу стимулятора. Он быстро развернулся на животе, схватил за воротник куртки неуклюжую спутницу и вытащил ее на крышу. Отдохнуть девушке не дал, заставил ползти по крыше, мысленно задаваясь вопросом, как они будут слезать, где это предстоит сделать, к чему готовиться?

Поскольку оба не супермены, бегать по крышам не учились, то ползли на четвереньках по самому краю, не уступая четвероногим в скорости. Жить захочешь – не то сотворишь. Молодой человек закинул полы кожаного пальто на спину, чтобы не мешали. Девушка, боясь глядеть по сторонам, ползла следом за ним, до боли закусив губу.

На их счастье, люка с выходом на пологую крышу не имелось, но зато посередине высилось чердачное окно под козырьком, в него пролезть – нечего делать. Успеть бы убежать... А куда?

– Есть!!! – взвизгнула спутница. – Здесь можно спрыгнуть, а потом взобраться на ту крышу и уйти вглубь. (А он, без слов повернув на углу, помчался дальше по периметру!) Ты что, ослеп? Куда ты? Прыгаем?

– Ползи за мной! – неожиданно прошипел он. – Живо!

– Ты идиот?! – взвилась она, но тихо. – С той стороны улица!

– Быстрее, я сказал!

Поскольку между ними образовалось приличное расстояние, а прыгать на нижнюю крышу одной – значит и дальше убежать одной, девушка долго не думала. Как таракан, который убегает от струи дихлофоса при помощи шести ножек, она на четырех человеческих конечностях догнала своего спутника.

– Теперь сюда! – сказал он, заворачивая на третий склон, выходивший на улицу, но полез не по краю, а выше.

В это время послышался удар по раме, задребезжали стекла – все, слуги порядка открыли чердачное окно и лезут.

У беглецов имелось в запасе несколько секунд, которые они использовали, выжав из себя максимум, и очутились напротив дымохода, венчавшего древнее строение. Молодой человек схватил девушку за шею и пригнул вниз, шикнув:

– Ложись!

Оба распластались на черепице, но он, не доверяя импульсивному женскому характеру, зажал ей рот ладонью. У обоих сердца пульсировали так, что удары отдавались во всем теле и передавались друг другу.

Топот слышался с противоположной стороны крыши, которая выходила на дворики.

– Ну что там? – крикнули снизу.

– Пусто, – отозвался голос с крыши. – Наверное, ушли через соседний дом, тут нормальный спуск у обоих торцов. Попробуем нагнать...

– Шевелитесь! Они не могли далеко убежать!

Бух! Бух! Бух! – ударялись подошвы о нижнюю крышу, куда так рвалась спрыгнуть беглянка. Снова топот, теперь удаляющийся. Беглецы не расслаблялись, даже когда шум смолк, хотя с улицы доносились неразборчивые голоса. А еще через длинную паузу он сказал ей шепотом, почти касаясь губами уха:

– Поняла, почему я сюда уполз? (Она не шевелилась, не делала попыток высвободиться, он подумал, что спутница ни черта не поняла.) Куда мы ни за что не полезли бы? Правильно, на улицу. Потому что там менты. И они так подумали, поэтому кинулись за нами в разные стороны, а на противоположную часть крыши не заглянули. Это стандартная логика, классика мышления, присущая большинству, мне постоянно приходилось ее просчитывать, чтобы найти правильный путь.

Наконец она убрала его руку со своего рта, пролепетав:

– Долго нам так лежать?
– Пока не вернутся и не уедут.
– Они через крышу пойдут назад? – ужаснулась она.
– Вряд ли. Здесь они уже побывали.
– А нам никак нельзя спуститься?
– Мы с тобой тут чужие, местность не знаем, можем сразу попасть в лапы ментов, лучше подождать, когда уберутся.
– Ладно, подождем... Я начинаю замерзать, хотя взмокла.
– Так осень же, здесь и летом ночами прохладно, побережье все-таки. Хм, а мне до сих пор жарко...

Он бесшумно перевернулся на спину, откинул полу пальто и потянул к себе даму, дескать, ложись на «подстилку». Так же бесшумно она перебралась к нему и плотно прижалась, уложив голову на плечо.

Его глаза смотрели вверх, а там сплошная чернота, подсвеченная снизу электричеством, оттого, наверное, и не видно звезд. Между прочим, здесь они невероятно крупные и низкие, казалось, с крыши достанешь рукой, он хорошо это помнил. Но тогда были одни ощущения, и, живя в режиме неизменной стабильности, а также с уверенностью, что через год и через десять эта стабильность лишь упрочится, он позволял себе роскошь полюбоваться ночным небом, снегами на склонах гор, пальмами. Да, это роскошь, которую в повседневности не замечаешь, а оцениваешь, когда теряешь возможность роскошествовать по мелочам. Поэтому в данную минуту небо давило, будто стопудовый пресс, а под прессом не очень-то думается о красотах, больше о том, как избежать сейчас ошибок.

Все-таки выдержка у нее завидная, она не вздрагивала пугливо от резких звуков, раздававшихся снизу, что было бы естественно в экстремальных обстоятельствах, когда каждая клеточка вибрирует от напряжения. А ожидание и в спокойной обстановке штука трудновыносимая, каким-то образом время растягивается до нереальных длиннот, не знаешь, чем занять себя, чтобы убить секунды. Нечего и говорить, как время тянулось на крыше, вероятно, страдая от этой тягомотины, девушка тихо спросила:

– Когда уйдем отсюда, что будем делать? Я, честно скажу, теряюсь...
– Сначала в гостиницу рванем, заберем вещи, потом... – ответил он и замолчал, после небольшой паузы продолжил: – Знаешь, о чем я думаю? Ее убили перед нашим приходом, она не успела остыть. И лицо еще не изменилось. Мой дед умер при мне, и сначала он ничем не отличался от живых, а в течение часа его черты стали другими...
– Не понимаю, к чему ты ведешь?
– К милиции. Приехали, вылетели из машины и понеслись в подъезд. Они знали, куда им бежать, знали про труп в квартире.
– То есть им сообщили, что Катерина Андреевна убита.
– Именно. И они были вооружены, для простой следственной группы это круто. А поскольку тетку убили незадолго до нашего прихода, то, я думаю... сообщил убийца, когда мы входили в квартиру.
– Чтобы взяли нас вместо него? Может быть... Десять-двадцать минут для экспертов не играют роли, но это то время, которое работает против нас. В случайности я уже не верю, надо будет подумать, в чем причина этих случайных закономерностей.
– И нож убийца бросил рядом с трупом, это улика против нас.
– Уфф... У меня сил нет лежать. Давай попробуем уйти? Мы тихонько... как мышки...
– Ну ладно, давай. Поднимайся первая и в сторонку двигайся.

С предосторожностями она стала на четвереньки и вдруг... С пятки слетел задник туфли, когда же девушка попыталась подтянуть ногу, чтобы надеть, стопа скользнула по черепице и... какой ужас!.. туфелька слетела!!! Да ладно бы просто слетела с ноги! Нет, она заскользила по

крыше на ребрах черепицы, перекатываясь, будто чья-то подлая рука подталкивала ее, посмеиваясь над беглецами, успешно оторвавшимися от погони. Беглецы устали на туфельку, затаив дыхание и выкатив глаза... Сейчас упадет вниз, а там милиция!

– Что это? – произнес явно мент, услышавший шум.

– Где? – спросил второй голос.

– На крыше.

– Не люди, уж точно, – хмыкнул первый. – Коты, от людей шума больше было бы, да и проверили крышу. Или черепица рассыпается, старые ведь.

А туфелька не останавливалась! Все, теперь падает!!!

– Нам конец, – прошептала девушка, едва не умирая.

Но туфелька зацепилась каблуком за желоб, повиснув носом вниз. Без сомнения, минутная пауза отняла у беглецов годы жизни. Оба ждали, когда упадет, ждали и не шевелились, а туфелька не падала. В конце концов молодой человек выскользнул из пальто, затем, время от времени поглядывая на туфельку, лег на живот и осторожно, по-пластунски, пополз к краю крыши...

От мелодрамы к драме один шаг, но какой

Никита намеренно не звонил Алике, дал ей время подумать и сделать правильные выводы. Вообще-то он не очень волновался, ведь она поехала к дяде Андрону, которому принадлежала идея провезти жениха с невестой по городу в нарядной коляске, запряженной парочкой лошадей, значит, выводы Алика уже сделала. При всем при том нельзя сказать, что вчерашний визит Яны оставил его полностью равнодушным, как ни отмахивайся от девчонки с младенцем, а ощущение нестабильности появилось, щекотала нервы тревога. Поэтому к концу рабочего дня он надумал провести разведку и позвонил матери, не дождавшись звонка от нее, что было странно, если родители действительно приютили девушку с младенцем.

– Ма, у меня к тебе просьба, а то мы с Аликой зашиваемся. Подыщи маленькую девочку лет пяти из соседских, чтобы цветочки кидала перед нами. И выбери в магазине для нее платье белое, там... розовое... я оплачу.

Удачный предлог нашел, ненавязчивый, в то же время не сделал ни малейшего намека на аферистку Яну.

– Никита... – Вот и начала мама, судя по тремолу в голосе. – Никита... у нас тут... ну, ты знаешь – Яна с малышом...

– Мама, гони ее. Это не мой ребенок, вчера я первый раз увидел ее и узнал, как зовут.

– Но, Никита, у нее свидетельство о рождении мальчика, отчество твоё...

– Ты слышала, что я сказал? Она аферистка. Отчество еще не доказательство отцовства, в свидетельство какое захочешь, такое и внесут. Эта штучка опасна, завтра она заберет все ценности в доме и смоемся, так как со мной номер не прошел.

– Извини, Никитушка... – Мама, кажется, пустила слезу. Она человек эмоциональный, жалостливый, но ее жалость касается тех, на кого укажет папа. – У Яны достаточно доказательств, чтобы ей верить, а ты знаешь папу...

– Стоп, стоп, – повысил он голос. – Ей папа верит, а мне, родному сыну, нет? Все ее доказательства – липа! Да и ничего существенного она не могла предоставить вам. И что наш папа хочет?

– Ты ее бросил, а наш папа сказал...

– Что, что он сказал? – раздраженно рявкнул Никита.

– Это наш внук, Никитушка, мы его не оставим.

– Не ваш! Чей угодно, но не ваш! Абсурд какой-то!

Никита отключился от связи, потому что понял, так ничего не добьется. Мама – тень отца, она думает как он, делает, как он скажет, самостоятельно отваживается только продукты

покупать, да и то едет на рынок и в магазины вместе с папой. Установленный порядок обоих устраивал.

Никита решил заехать домой и посмотреть, как настроение Алики, затем двинуть к родителям и выставить самозванку вон. Он купил цветы, правда, мелькнула мысль, что букетом замазывает вчерашний инцидент, кстати, что его самого безмерно изумляло – дурацкое чувство вины перед Аликой. Откуда оно взялось? Виноватым себя не считал, а вина засела – не парадокс ли!

Алика ждала его, а у кресла, в котором она сидела, стояли два туго набитых чемодана. Никита остановил на них взгляд, разумеется, догадался, что они означают, внутри больно и пронзительно кольнуло, тем не менее он поинтересовался, небрежно кинув букет крохотных роз на стол:

– Как это понимать?

Ей неловко было говорить, ему трудно слушать, не прерывая, однако оба справились с собой.

– Я прочла твои письма, которые ты писал Яне... Не все. Но и этого хватило. Вот они... – подняла она листочки с колен и положила обратно, потому что Никита их не взял. – Знаю, ты будешь отрицать, что писал их... (Нет, не отрицал, а молчал, простреливая ее насквозь глазами.) И я бы, может быть, поверила твоим словам, но... Яна показала мне две эсэмэски, они отправлены с твоего телефона четыре месяца назад. В сущности, и это не главное, можно предположить, что кто-то устроил неудачный розыгрыш... А что ты скажешь на это?

Алика протянула стопку фотографий, и Никита взял их, не мог не взять, ведь фото – это крайне занимательный документ. Глянув на первые два снимка, он достал сигарету, сунул ее в рот и, зажав зубами, прикурил от зажигалки, но ничто не выдало его истинного состояния. Если вчера он бесновался, орал, не находил себе места, то сегодня Никита достоин был занять лидирующее место в соревнованиях по невозмутимости. Он ходил, внимательно рассматривая каждое фото, ходил размеренно и медленно, мимикой владел отлично – будто ему дали посмотреть средненькие снимки начинающего любителя стоп-кадра. Курил. И курил подчеркнуто спокойно. Казалось, забыл, что рядом находится фактически жена, которая ждет объяснений. Выдержки и хладнокровия не хватило Алике:

– Надеюсь, ты хорошо помнишь номер, в котором мы жили?

Зря она взяла тон следователя или даже прокурора, Никита окончательно замкнулся. Мельком взглянув на нее как на малознакомую женщину, которая несколько его не интересует, чему-то усмехнулся, снова опустил глаза на фото и коротко ответил:

– Помню.

– И мой халат узнаешь?

– И твой халат.

– Значит, эти фотографии...

– Сделали в то же время, когда мы с тобой там жили.

– Ты каждый месяц высылал ей деньги, у нее стопка извещений...

Никаких вчерашних сотрясений воздуха руками, воплей, возмущений, а главное – оправданий! Алика поняла: он попался с поличным, не знает, как теперь ему быть. Она дала Никите еще один шанс, но плохо представляла, каким образом он может переубедить ее:

– Больше ничего не хочешь мне сказать?

– Больше нечего сказать тебе.

– Значит, это правда, у тебя с ней было... – Алика сглотнула слезы, а губы все равно дрожали, как и подбородок. – Было одновременно со мной...

– У меня с ней ничего не было, но ты этого не услышишь, судя по чемоданам, в которые уложила все свои вещи.

– Хочешь, чтобы я верила словам?

– Не словам, а мне.

– А ты бы поверил мне, получив это? – раздраженно указала она подбородком на фотографии в его руке.

– Не знаю, – честно признался Никита.

Его пассивность жутко расстроила, не той реакции ждала Алика, не так должен был повернуться сюжет, в который обязан внести поправки Никита. А он не вносил. Ему как будто по барабану, что у ног Алики стоят чемоданы, что через четыре дня должно состояться торжество, приглашено много народу.

Наверное, если бы Ляля была сейчас свидетелем этой сцены, она могла бы сказать Алике: «Где логика? Доказательства подлости налицо? Решение принято? Оставь компромат на столе и уйди, когда Никиты нет дома».

Алика так и собиралась поступить, но по дороге от Ляли ее решимость несколько пошатнулась. Она очутилась перед нелегкой дилеммой: расстроить свадьбу, расстаться с Никитой – по силам ли это ей? Полтора года безумного счастья, полгода прожито в согласии и любви, когда они были вместе каждый день, стремились друг к другу. И вдруг одним махом на всем поставить крест? Нет, Никита обязан что-то сделать, как-то переубедить, да хоть упасть на колени и молить остаться, она с трудом, но согласится. Алика мысленно проиграла несколько вариантов, заканчивались они позитивно, а он неожиданно предложил свой, точнее, ничего не предложил. Сейчас она встанет и уйдет, неужели Никита не сделает ни одной попытки остановить ее?

– Вот видишь... Ты не поверил бы, а хочешь, чтобы я...

– Ты собралась уходить? – вдруг вяло бросил он. – Так уходи. К чему эта бессмыслица: а я – а ты, верю – не верю, было – не было? К чему? Тебе все ясно, раз чемоданы собраны, чего же ты от меня ждешь?

– Ничего, – тихо вымолвила Алика, поднялась, взяла чемоданы и, поскольку Никита стоял на пути, обошла его – он не остановил, остановилась она у выхода из гостиной. – У тебя есть единственный способ вернуть меня: сделать генетический анализ, если он покажет, что отец не ты...

Никита, стоя к ней спиной, резко прервал ее:

– Алика, если ты сейчас уйдешь, то навсегда.

Ого, Никита условия ставит! Не она, а он! Чемоданы в руках, выпад сделан, что же теперь, самой отнести их в спальню и распаковать, после готовить ужин как ни в чем не бывало? Нет, остаться при таком раскладе – это дать ему в руки оружие, Никита поймет, что Алика дорожит им, всегда простит его, значит, в будущем ее ждут измены, ложь, унижения.

Алика ушла. В лифте из ее глаз вылились потоки слез то ли раскаяния, то ли отчаяния, скорее, то и другое вместе плюс горькая обида. М-да, подкачала женская логика, которую не просчитал Никита, а может, не задавался такой целью, поэтому ей осталось уйти.

Как только дверь за Аликой захлопнулась, Никита кинул фото на стол, взял сигарету, но не прикурил, уставившись на букет нежно-кремовых роз, который отражался на зеркальной полировке. Так и не закулив, он подхватил букет, отнес на кухню и выкинул в мусорное ведро. На этом он поставил точку. После забрал фотографии вместе с письмами, которые оставила Алика, и вышел из квартиры.

– Где она? – не поздоровавшись, зло спросил Никита, едва мама открыла дверь.

– В твоей комна... – на полуслове Альбина Павловна осеклась, так как сын, отстранив ее, направился в комнату, где все осталось, как было при нем. Она побежала за сыном, шепотом предупредив: – Никитушка, папа дома...

– Тем лучше, – буркнул он, взявшись за ручку. – Можете оба присутствовать, мне нечего скрывать.

Яна поила малыша водой из бутылочки. Когда Никита появился в комнате, она непросто встала с кровати и попятилась, испуганно распахнув кроткие глазенки – наивные, да что там, святые. Несколько секунд Никита боролся с искушением врезать негодяйке, по стенке ее размазать, как паштет по тосту, после с громадным удовольствием вытащить за волосы на лестничную клетку и спустить с лестницы. Спинай он почувствовал, да и услышал, что сзади появилась тяжелая артиллерия – папа с мамой, но пока они не вмешивались, повода не дал сын. Никита поднял фотографии, зажатые в руке, и сквозь стиснутые зубы процедил Яне:

– Здорово подготовилась, на «пять с плюсом». Ты что же, пасла меня больше года?

– Не понимаю, о чем ты... – проблеяла Яна.

– Не понимает она! – хмыкнул Никита. – С кем-то переспала, но не со мной – это тебе лучше меня известно, а ребенка придумала мне подкинуть? Что тебе надо от меня? – начал наступать он. – Чего ты хочешь? Кто ты? Откуда взялась?

Младенцы чувствительны, необязательно говорить на повышенных тонах, на них действует сама атмосфера, а она предельно накалилась. Мальчик вдруг закатился от рева, широко открыв рот, и вот тут-то раздался трубный глас папы:

– Никита, прекрати! Ты испугал ребенка.

– Прекратить?! – взбеленился Никита, обернувшись. – Ну нет, папа. Она уже отравила мне жизнь, а ты – прекратить? Эта молоденькая гадюка лжет, но я обещаю: она получит свое. – Он круто развернулся, отчего Яна вздрогнула. – Боишься? Правильно, бойся, тебя еще не то ждет. Начнем прямо с завтрашнего дня. Экспертиза установит, что эти фотографии – липа.

– Липа? – якобы не поняла Яна, о чем он говорит.

– Не знаешь значения слова «липа»? – зло рявкнул Никита. – Но мошенничать научилась. Это, – поднял он стопку, – фотомонтаж.

– Нет. На них мы с тобой...

– Замолчи! – гаркнул Никита, ребенок еще больше разревелся.

– Никита, сейчас же выйди из комнаты! – приказал отец.

– Я вообще могу уйти, – огрызнулся сын. – Но завтра вернусь, отвезу твоего ребенка, Яна, на генетический анализ.

– А это не опасно? – перевела девушка глаза на отца с матерью, спрашивая их, но ответил Никита, злорадно ответил:

– Очень опасно. Для тебя.

Он повернулся к выходу, послал папе красноречивый упрек глазами и решительно ушел. Альбина Павловна робко пролепетала, будто извинялась:

– Никогда его таким не видела. Яночка... – бросилась к матери внука, которая захлопала носом, присев на край кровати. – Не надо плакать, ты расстраиваешь маленького Никитушку. Сделай, как просит Никита...

Редкий случай, когда Ефим Геннадьевич поддержал жену:

– Да, эту процедуру, Яна, необходимо пройти, тогда ему крыть будет нечем. Ты же не боишься экспертиз.

– Не боюсь... – всхлипнула та. – Просто обидно, это же его сын...

– Жениться на тебе мы его вряд ли заставим, – хмурил густые брови Ефим Геннадьевич, – но сына признать... никуда не денется.

Ефим Геннадьевич, человек тоталитарного склада, считал, что в его доме все должны подчиняться только ему. Тоталитаризм распространялся и на знакомых, чужого мнения по тому или иному поводу для него не существовало, поэтому с ним не любили общаться. Да и кому понравится постоянно испытывать свою неполноценность рядом с идеалом? Ведь Ефим Геннадьевич зачастую кичился порядочностью, принципиальностью, честностью, разве такой человек способен выгнать на улицу внука и его мать? Это как раз и есть принципиальная позиция, у него слова не расходились с делом, как у подавляющего большинства.

На следующий день Никита приехал с утра, предупредив Германа, что немного задержится. Яна была готова к экзекуции, ее вызвался сопровождать Ефим Геннадьевич, очевидно, опасаясь, что сын Никита, показавший вчера бунтарский характер, выкинет девушку где-нибудь на улице. За мужем увязалась и Альбина Павловна – ей дома не сиделось, она полагала, что анализ ДНК выдадут через полчаса, после чего все образуется, наступит лад. Открывая заднюю дверцу перед ними, Никита не удержался и желчно упрекнул родителей:

– Как вы переживаете за нее! Можно подумать, она ваша дочь, а я так... неудачный зять.

– Мы переживаем из-за внука, – мягко поправила его мама, а он нагрубил ей, невзирая на присутствие отца:

– Хватит! Если ты и отец желаешь обмануться, это ваше право, а из меня идиота сделать не удастся никому. В большей степени это тебя касается, Яна.

– Никита, маленький Никитушка похож на нашего папу, значит, на тебя... – протарахтела мама.

– Я сказал, хватит!

– Не трогай его, мать, – пробасил Ефим Геннадьевич, залезая в автомобиль. – У них сейчас вывернуты все понятия, ни морали, ни принципов...

– Папа, – плюхнувшись за руль и пристегиваясь ремнем, процедил Никита, – я уже вырос, мне тридцать три, если ты забыл, поэтому о морали и принципах поговори с соседями во дворе за шахматной партией.

– Слышишь? – толкнул локтем жену вознегодовавший Ефим Геннадьевич. Та погладила мужа по плечу, мол, не кипятись, но «цезарь» был неумолим. – Он мне уже приказывает! Дожил. Дальше-то чего нам с тобой ждать? М-да... Зря мы уповали с тобой на тихую старость, нам даже стакана воды подать будет некому. Впрочем, обойдусь, что-то мне заранее пить не хочется...

Монолог длился до клиники, Никита решил больше ни слова не произносить, а потерпеть, иначе перепалка переросла бы в свару.

Процедура оказалась проста и на выбор: по слюне или по крови, разумеется, Никита выбрал первое. Но результаты обещали через две недели! Срок, естественно, не устраивал главного зачинщика, он требовал ускорить исследование. Это – пожалуйста, но с доплатой. Никита оплатил, теперь ждать придется всего три дня, как раз в пятницу...

Неотложных вопросов, которые он не мог решать в одиночку, полно, поэтому Никита, прежде чем попасть в свой кабинет, заскочил к Герману. Проблемы (не личные) обсудили, оптимальные решения нашли, планы обозначили, он двинул к двери с кипой бумаг в руках.

– Никита... – окликнул его Герман, прищелкнув пальцами.

Тот вернулся, но не сел в кресло, полагая, что остался еще какой-то вопрос, не терпящий отлагательств, но решаемый на ходу, ибо важные проблемы стоят на первом месте, о них не забывают. А Герман с неловкостью, свойственной людям, которые не любят вмешиваться в частную жизнь, полюбопытствовал:

– Что там за инцидент произошел? Алика была вчера у Ляли...

– Думаю, ты в курсе, раз Алика была у Ляли, – набычился Никита.

– Но мне-то, как другу, скажи, эта Яна от тебя...

– Тебе, как другу, говорю: нет. Я не знаю, кто она такая, но выясню. Сегодня сдали анализы на ДНК, через три дня будут готовы, и тогда я ее... уничтожу.

– Если ты в себе уверен, то не стоит тратить на девчонку здоровье, а дать пинка ей под зад, чтобы катилась кубарем туда, откуда притащилась. – Снова друг замялся, потупился, Никита понял, что он не все у него выведал, и не ошибся. – Постарайся успеть завершить дела до пятницы. – И совсем застенчиво спросил: – Свадьба состоится, я надеюсь?

– Нет.

– Как – нет?! – Герману несвойственны бурные реакции, но он подпрыгнул на месте, словно ужаленный. – Ты... Ты не в себе? Алика-то при чем?

– У тебя искаженная информация, – спокойно сказал Никита, догадываясь, что его жена в курсе и последних событий. – Не я был инициатором разрыва отношений, ушла Алика.

– Так надо было не пускать! Она дура, но ты...

– Зачем? Мне не нужна женщина, которая верит первой встречной интриганке. Я предупредил Алику: если она уйдет, то навсегда. Ушла. Значит, свадьбы не будет ни в пятницу, ни позже, на этом точка. Извини, пойду работать... А, да! В командировку я полечу, как ты хотел, так что заказывай самолет.

Подмигнув, будто у него ноль проблем, Никита удалился, а Герман схватился за телефон:

– Лялька, они оба с ума сошли! Никита настроен решительно, свадьбу не отложил, а вообще отменил! Звони своей дуре-подружке и скажи, чтобы мчалась в офис, просила прощения у Никиты...

– Гера, это ты с ума сошел, – охладила его жена. – Он же одновременно с обеими... Если бы ко мне пришла баба с ребеночком и сказала, что его сделал ей ты, я бы тоже ушла от тебя.

– Значит, я женат на дуре.

– У тебя все женщины дуры! – раскричалась благоверная. – Я бы не просто ушла, я бы тебе волосы выдрала, а ей морду набила бы! Младенцы по желанию одной бабы не появляются на свет, для этого нужен ни много ни мало мужик.

– Не ехидничай. Никита в пятницу получит анализы ДНК, уверяю тебя, ребенок не его – или я плохо знаю его.

– Значит, в пятницу и помирятся.

– Тогда точно не помирятся. Никита собрался ехать в командировку, он сказал, что ему не нужна женщина, которая верит интриганкам.

– Скажите, какой! – проворчала Ляля. – Ладно, съезжу к Алике, но только оказать ей моральную поддержку, а уговаривать просить прощения у Никиты принципиально не буду.

Герман положил трубку и с досадой произнес:

– Алика оскорбилась, хм! Будто Никита ей муж! Ничего, она еще пожалеет, да будет поздно. М-да, положение... Ну что ж, каждый сам кузнец своих неудач.

В четверг до Алики окончательно дошло: Никиту она потеряла, он ни разу не попытался связаться с ней. Стало страшно, особенно когда узнала, что он обзвонил общих знакомых, предупреждая об отмене свадьбы. Причин не объяснял, что послужило поводом к разного рода толкам, у нее и выясняли причины. А что она могла ответить? Только – да, отбой. И бросала трубку. Ревела, когда никто не видел. Папа принял ее сторону, мама покрутила пальцем у виска, она обожала Никиту, а в основном отмалчивалась.

Пятница оказалась днем чуть ли не траура, Алика провела его в затворничестве, не отвечая на телефонные звонки. Под вечер приехала Ляля, по ее трагической физиономии она угадала: прибыла подруга с плохими новостями, настолько плохими, что не рискнула сказать их в трубку, только напрямую:

– Результат положительный.

– Какой результат? – замерла Алика.

– Тест показал, что ребенок Никиты. – Полагая, что подруга не совсем поняла, дополнила с нажимом на слова: – ОН ОТЕЦ! И фотографии подлинные, то есть не фотомонтаж. Не понимаю, на что Никита рассчитывал, когда затевал экспертизы?

В какой-то степени Алике стало легче, только вот степень эта была мизерной, принесла больше огорчений, чем торжества.

– На русский авось надеялся, – сказала после паузы она.

– Ну и что? – появилась в комнате мама Алики. – Ой, не смотрите на меня глазами жертв НКВД. Да, я подслушивала вас.

Маму отличали цинизм и редкий пофигизм. Женщина она хоть куда в свои «тридцать пять», если не считать маленький хвостик из пятнадцати лет, занималась исключительно собой, не вмешиваясь ни во что. На этот раз не поленилась вмешаться и нашла для дочери самые жестокие слова:

– Из-за чего сыр-бор, девочки? Ну сделал он мальчика какой-то там Яне, это она идиотка, что родила, будучи не замужем, значит, и проблемы ее, как жить. Никита отрицал причастность к рождению сына? Почему бы тебе не поверить ему, даже если ты так не думаешь? Но это ход умной женщины. Полагаю, твой отец, Алика, демографию страны восполнил с лихвой и на стороне может полк собрать из отпрысков. Пусть живут себе, я ничего знать не желаю. Это меня он одевал, меня возил в путешествия, меня боготворил. А ты чего добила, показав гонор? Потерять такого мужчину! Красивый, умный, состоятельный, карьеру сделал своей головой, тебя на руках носил.

– Мама! – на грани истерики закричала дочь. – Прекрати! Это тебе все по барабану, но не мне. Я хочу быть единственной, а не ложиться в постель с человеком, которой накануне побывал у другой. Все, закрыли тему, меня она больше не волнует.

Теперь хоть можно оправдаться: не зря ушла.

4

Как замести следы? – Веником-с

Шокированные жильцы первого этажа толпились в тесном коридоре подъезда, слушая пожилую женщину, которой задавал вопросы майор милиции Тороков без протокола:

– А когда примерно зашли к вам?

Существуют люди, перед которыми благоговеют от одного только вида, Тороков покорял солидностью, и это несмотря на довольно сухую комплекцию. Но неторопливые жесты, сдержанная мимика с глубокой вертикальной складкой между бровями, врезавшейся в лоб, пронизательные орлиные глаза, голос с хрипотцой – в общем, весь его вид заочно вызывал трепет.

– Минут за десять до вашего приезда, – тархтела свидетельница. – Да-да, двадцать пять минут девятого они к нам позвонили, я открыла. В это время на кухне печка звякнула, я выставила ее на двадцать пять минут. А где-то через десять минут услышала шум, выглянула в окно – наши окна выходят и на улицу, – а там вы из машины выскакиваете.

– Значит, они искали...

– Четвертую квартиру. К Кате приехали.

– Приехали? Откуда?

– Не знаю. Просто видно, что приезжие, то есть нездешние, мы их сразу отличаем.

– Как эти ребята выглядели? Возраст какой у них?

– Молодые. Он высокий, интеллигентный... волосы шапкой... густые, цвет... ну, такой: между светлым и темным. Глаза у него зеленые! А девочка брюнетка, волосы аккуратно зачесаны, черноглазая, худенькая. Красивые ребята.

– А впечатление от них какое у вас было? Знаете, иногда сразу видно: плохие парни, а эти хорошие, а те – ни то ни се...

– Вот-вот, – закивала она, – хорошие. Вежливые, приятные, одеты оба не бедно... – И вдруг она замахала руками: – Да нет, нет, не могли они нашу Катю... Нет. Зачем им? Такие не режут людей. Что ж они на меня не напали? А вы как узнали, что они здесь были и что нашу Катю... как, а?

Вот тебе и бабка – вопросик задала, который в голову следователю не сразу придет, а то и вовсе он об этом не задумается. Наверное, с утра до вечера детективы смотрит и двигает изви-

линами между сериями, вычисляя преступников. М-да, резонный вопросик, наталкивающий на определенный ход мыслей, но ход прервал коллега Торокова:

– Такие хорошие, что убегали от нас через крышу. Чего убегать, если не виноваты?

– И вы бы убегали, – ехидно вставил мордастый сосед. – И я. Когда убегают, это еще не значит, что виноваты.

– У вас соседку убили, а ты их защищаешь, – упрекнул милиционер.

– погоди, – бросил ему Тороков, затем обратился ко всем, кто находился на площадке: – Вы ведь знали убитую, скажите, за что ее могли убить?

– Не за что, – уверенно заявил мордастый.

– Ой ли? – скептически фыркнул милиционер.

Среди милиционеров здесь же находился еще один, молодой паренек Ивченко, но он скромно стоял в сторонке, обхватив пятерней подбородок, и помалкивал, переводя взгляд на тех, кто говорил. Подобных ему – сотни в каждом городе, из толпы они ничем не выделяются, в то же время Ивченко имел отличие: ясный, не испорченный взгляд, добродушную и белозубую улыбку. Умненькая физиономия юноши выражала ответственность и заинтересованность, иногда он опускал глаза, что-то в уме просчитывая.

– Брат у нее нечего, кроме старья, – принялся доказывать сосед милиционеру-скептику. – Наркотики не продавала, самогон не варила, проституткам жилье не сдавала.

– Он правду говорит, – подтвердила соседка, дававшая показания. – Катя здесь давно жила, считай, с рождения... Ой, я совсем забыла! У нее же были ценные вещи, очень ценные... м... старинные! Но немного. Брошь – пчелка на золотом листе, с камнями. Браслет с рубинами... и другими драгоценными камнями. Правда, я давно их не видела.

– Где она это хранила? – заинтересовался Тороков.

– В ящике письменного стола, который закрывала на ключ. Может, переложила в другое место, а то и продала, не знаю, жизнь-то вон какая тяжелая.

– Интересно, откуда у пенсионерки куча ценностей? – спросил милиционер-скептик.

– Да какая куча, о чем вы? От матери досталось, а той – от ее матери.

– Товарищ майор! – позвали Торокова с улицы, он поспешил туда. Вооруженный молодой человек из отряда быстрого реагирования доложил: – Не догнали. Как кошки унеслись по крышам. Спрыгнуть могли где угодно, здесь же закоулков не счесть – попробуй найди. Давно пора все эти курятники снести.

– Сворачивайтесь, – махнул рукой Тороков. – А мы поищем в квартире убитой брошки-сережки. Ивченко, очнись.

Да, парень засмотрелся на мужчину в потертом пиджаке и очках, какие носят слепые. Он сидел наискосок, на противоположной стороне улицы, опираясь обеими руками о палку. У его ног лежала комнатная собачка, пекинес, оба напоминали скульптурную группу, а не живых.

– Наверное, страшней ничего нет, чем слепота, – произнес Ивченко. – Представил, что я не вижу... Лучше умереть, да?

– Не о том думаешь, – сказал Тороков. – Иди в квартиру убитой.

Когда внизу позвали майора, молодой человек отдернул руку, которую протянул к туфле. Лучше переждать, а то ненароком увидят, или того хуже – нечаянно заденет туфельку, висевшую на честном слове, та и упадет прямо на голову мента. Он взмок, во рту пересохло страшно, к тому же лежать на пологой крыше, пусть под небольшим углом, головой вниз нетренированному человеку – удовольствие не из приятных. Опустив лоб на руку, он слышал шаги, неясный гомон, хлопали дверцы авто и подъезда, завелся мотор...

Пронесло. Приподняв голову, он протянул руку к туфле и, сглотнув сухой ком, медленно свел пальцы, захватив ее. Так же медленно приподнял над желобком, после чего убрал руку и с облегчением вздохнул. Начал отползать, пятясь назад, маневр оказался затруднительным, но

он не спешил, а развернулся, когда удалился от края на значительное расстояние, после дело пошло быстрее.

– Снимай вторую, – сказал спутнице, очутившись возле нее.

– Зачем?

– Босиком поползешь. Как туфля слетела, почему?

– Я покупаю на размер больше, чтобы не мучиться.

– Снимай.

Она сняла, тем временем он надел пальто, туфли сунул в карманы и жестом выразил требование ползти к торцу. Дама двигалась первой, обзор, конечно, открылся... не захочешь, а физиология дает знать о себе даже в обстановке смертельной опасности. Юбка короткая, чулки на широкой ажурной резинке смотрелись пикантно, голову просто тянуло опустить вниз и поглядеть, какое белье она предпочитает. Кстати, и зад показался не столь уж тощеньким, нет, нормальная задница, как и ноги выше колен... Осмотр достопримечательностей с тыла неожиданно закончился, объект показал лицо, поинтересовавшись:

– Как будем спускаться, чтобы не нашуметь?

Если можно обходиться без слов, он не отвечал, посему и сейчас подобрался к краю, сначала сел, свесив ноги и оценив расстояние, затем, взявшись за край черепичной крыши, соскользнул вниз. Протянув вверх руки, принял подругу по несчастью, дальше они добрались до следующей крыши, уходящей в глубь квартала. Застройка бессистемная, дома разнокалиберные, но ни одного высокого, что упрощало задачу. Трущобы, они хоть в Лондоне, хоть в Туле – одинаковы.

Удалившись на безопасное расстояние от милиции, прыгнули во двор, из него выбрались на улицу уже с другой стороны квартала и бегом помчались к дороге ловить такси.

– Может, отдашь мои туфли? – на бегу спросила она.

Он остановился, поставил на тротуар туфли, пока она их надевала, передохнул, озираясь. Невдалеке заметил магазин, где купил две бутылки воды. Так пьют только пьяницы после дикого бодуна – без остановки и всю бутылку до дна, редкие прохожие и те оборачивались на них.

Потом такси и – гостиница. По пути к номерам, держа ключи в руках, он, исследуя глазами все и всех, говорил:

– Сейчас откроем твой номер, я заберу ключи и уйду к себе. Собери вещи, только быстро, просто свали в сумку как попало, потом разберешь. И дуй из гостиницы, жди меня у остановки такси, твой номер я сам сдам.

– Мы выезжаем? – занервничала она. – Почему? Ты что-то заметил? Что случилось?

– Я привык считать на несколько ходов вперед и угадывать ответный шаг партнеров, иначе мне не платили бы бешеные деньги. В такси я думал о «случайностях», которые тебе не нравятся, мне они тоже не понравились.

– Случайно только рубль находят на дороге.

– Вот именно. А вдруг специально подгадали под наш приход и убили тетку? Для этого и нож кинули, чтобы мы не отвернулись, когда менты нас возьмут.

– Да кто мог знать, когда мы к ней пойдем?

– Позже об этом поговорим, сейчас нужно свалить из гостиницы как можно скорей. Вызов милиции точно не случаен, не успели мы туда зайти, они тут же нарисовались. Нас никто, кроме соседки снизу, не видел, значит, звонил убийца, так? Меня не покидает мысль, что он знает, кто мы, откуда, где остановились. Значит, он заинтересован кинуть нас под пресс вместо себя, вероятно, следил, взяли нас или нет. Боюсь, он уже доложил милиции, где нас искать.

– Понятно. Я тебя не оставляю...

– Брось нести ахинею! Если я попадусь, ты будешь вытаскивать меня, а попадемся вдвоем – застрянем надолго, если вообще выйдем. Все ясно? Прическу измени. Да, и не забудь сменить чулки, они порваны. Будьте добры, – сказал дежурной на этаже, – примите номера, мы очень торопимся, у нас билеты на поезд.

Он открыл номер спутницы, ключ забрал, ринулся в соседний. Дорожную сумку бросил на пол, туда покидал вещи охапкой вместе с пальто, свернув его абы как, затем надел легкую куртку. Ноутбук уложил в кейс, с полок в ванной комнате сгреб все в пакет, в котором сегодня приносил фрукты, и – туда же, в сумку. Вышел. Как раз пришла дежурная, но ползала по номеру, как осенняя муха, проверяя, все ли цело, только в России боятся, что гость стырит стаканы. В коридоре появилась спутница, он жестом показал ей: уходи.

– Если можно, быстрее, – попросил он сонную муху. – Вам еще один номер надо посмотреть, а у нас поезд...

Тетка закрыла дверь, вошла в другой номер, спросила:

– А где жилища?

– Такси побежала ловить.

Все, дело сделано, он подхватил сумку и... раздался звонок, это она, значит, что-то срочное. Да уж, срочней не бывает:

– К гостинице подъехала милицейская легковая машина... Идут в гостиницу. Может, это и не по нашу душу, но лучше перестраховаться, верно? Ты где?

– У лифта.

– Поезжай наверх, потом вернешься. Не бросай трубку, я скажу, куда они пойдут, мне их видно... Один остался у входа! Трое возле администратора. Не выходи из гостиницы!

На лифте он поднимался вверх, держа трубку возле уха, и лихорадочно соображал, каким способом выбраться...

Пуганая ворона

Для Никиты результаты анализов явились шоком, даже доктор озадачился – чем недоволен клиент, лично настаивающий на тестировании? Сейчас редко встретишь десятилетнего ребенка, который бы не знал, каким образом получают дети, а этот взрослый мужчина будто и понятия не имел об этом.

– Ошибку вы исключаете? – спросил Никита, уединившись с ним в кабинете.

– Абсолютно, – разбил вдребезги надежду доктор. – Современное тестирование – надежная штука.

– Но этого не может быть!

– То есть вы... отрицаете отцовство? – изумился доктор.

– Я бы не отрицал, если бы хоть один раз переспал с ней. Упреждаю ваш вопрос: не по пьяни ли. До невменяемого состояния, чтобы не помнить, с кем лег, я не пью. Но так не бывает, чтобы без моего участия у меня появился ребенок от женщины, которую я никогда в глаза не видел. Должно быть, в это невозможно поверить... А я не могу поверить и не поверю никогда, что у меня есть ребенок, несмотря на результат, и никогда его не признаю. Как это получилось, кто-нибудь мне объяснит?

Поистине забавный случай, а судя по тому, насколько клиент расстроен и раздавлен, в каком состоянии отчаяния находится, что разыграть чрезвычайно сложно, Никита непроизвольно вызвал у доктора жалость. Только работникам правоохранительных органов и врачам известно, на какие ухищрения идут женщины, поставив перед собой безумную цель. Помимо этого мужчина мужчину всегда поймет и посочувствует, чего не скажешь о женщинах.

– Есть один способ... – промолвил доктор.

– Какой? – оживился Никита.

– Вы сдавали сперму на предмет искусственного оплодотворения? Правда, сведения о донорах держат в строжайшем секрете, но люди есть люди, возможно, эта девушка купила информацию.

– Увы, доктор, никогда не сдавал даже кровь.

– Тогда... – развел тот руками, мол, дело ваше безнадежно, – остается одно объяснение: ей помог Сатана, а с ним тягаться бесполезно.

Несколько секунд Никита тупо смотрел на доктора, который уж подумал, что у парня сердечный приступ, следовательно, его вопрос был закономерный:

– С вами все в порядке?

– Сделайте повторный анализ, – вдруг потребовал Никита. – Но теперь по крови и в положенные сроки – две недели, три – неважно, я подожду.

– Охота вам вываливать такие деньги?

– Хочу убедиться, что повторный результат не изменится. Конечно, я мог бы предложить вам энную сумму за подтасовку...

– Это в принципе невозможно, – отгородился стеной доктор.

– В первую очередь мне это не нужно, меня не устраивает подлог.

– Зачем же вам повторная экспертиза?

– Чтобы начать действовать, пока меня не пускают сомнения, живет надежда на вашу ошибку. Я знаю, что она провернула аферу, поэтому буду выяснять, каким образом ей это удалось. И выясню, поверьте, чего бы мне это ни стоило.

– Как скажете. Если вопрос так серьезен, мы можем продублировать тестирование, отправив анализы в другую лабораторию за пределами нашего города.

– Да, – закивал Никита. – Отправьте.

– Приезжайте в понедельник с малышом и его матерью, кровь возьмут у вас троих, это будет вернее.

В коридоре Никиту поджидали отец и мать, о результатах они знали. Не доверяя сыну, который способен сокрыть истину, Ефим Геннадьевич отправился вместе с ним в клинику. Альбина Павловна, боясь стычки между мужем и Никитой, а также полагая, что в ее силах смягчить агрессию с обеих сторон, напросилась в компанию. Как мать, она переживала за сына, жалела его, когда же муж вычислил, что свадьбу отменила Алика из-за Яны, несостоявшаяся невестка в одночасье превратилась в заносчивую мегеру, недостойную Никиты. К Яне отношение было неоднозначным. Да, сын обманул ее, рожать вне брака нехорошо, а родив, будь готова к тому, что мужчина, на которого ты рассчитывала, откажется от тебя и придется растить ребенка одной. Вторая сторона медали отливала эгоизмом: вырастили детей, дали им образование, отказывая себе во всем, а они забыли о родителях, пару раз в году навещают. В этом смысле Яна с внуком упали с неба подарком, иначе недолго от одиночества сдвинуться или от тоски умереть.

Сын, не останавливаясь, пошел к выходу, за ним последовали остальные.

– Договорился с доктором? – с подтекстом спросил Ефим Геннадьевич, очевидно подразумевая, что Никита дал взятку за исправления в справке.

– Договорился, – не отрицал сын. – В понедельник возьмут повторные анализы.

– Зачем? – бухтел сзади Ефим Геннадьевич. – Деньги некуда девать? Чего ты уперся, когда всем ясно, кто отец мальчика?

– Завидная уверенность, – буркнул Никита.

– Ты, конечно, можешь хоть сто раз проверять, а нам с матерью достаточно одного раза: это наш внук. Ну, совратил девчонку, так признайся. Вон и Алика тебя кинула, не перед кем теперь форс держать.

– Я докажу... – остановился он, выставив перед папиным носом указательный палец, – что к ребенку Яны не имею отношения.

– Опять! – с досадой ударил себя по бокам Ефим Геннадьевич.

Он хотел продолжить нотацию, неужто надумал женить его на Янке? Но Никита ускорил шаг, про себя негодуя: ему никто не верит! Даже мать с отцом, что же говорить о посторонних? Очутившись на улице, он кинулся к стоянке такси, не желая слышать от отца ни слова более, и, договорившись с водителем, замахал рукой, мол, сюда идите. Никита усадил мать, отец без его помощи забрался в салон.

– Мне на работу, – сказал, – вас отвезет таксист, я оплатил.

– Никита, – строго произнес отец, – ты как хочешь, но девочку с внуком мы не выгоним, они будут жить у нас, раз ты отказался от них.

Вон оно что: папа решил благородно взвалить грех сына на себя. Да он же купается в собственной ответственности, великодушии, долге. Не случись инцидента с сыном, папа закис бы у телеящика, читая в перерывах газеты и ругая всех подряд – от правительства до бомжей, а тут поле деятельности появилось о-го-го, опять же работа на публику, гордость за себя.

Никита захлопнул дверцу, не сказав ни слова, так как стоило только рот открыть – и полилось бы такое, после чего, зная папу, рассчитывать даже на призрачный мир было бы нелепо.

Он упал на сиденье своего авто, запрокинул голову и прикрыл веки. Вот так попался в западню! Как лоха развели! Данную ситуацию никто не разгребет, кроме Никиты, осталось продумать, как это сделать. Очень кстати пришлась командировка: поездка в Австрию даст новые впечатления, освежит голову, и, может быть, Никита додумается до дельных идей.

В понедельник сдали анализы, Яна безумно волновалась за малыша, наотрез отказалась смотреть, как у ребенка берут кровь. Она просто образцовая мать, а Никиту один только ее вид приводил в ярость, что скрыть ему было крайне трудно, оставалось лишь скрипеть зубами от бессилия. Альбина Павловна понесла внука в лабораторию, разумеется, их сопровождал дедушка, без него-то никак нельзя, без него, наверное, даже птички чирикать не будут.

Никита же получил возможность ненадолго остаться наедине с Яной в длинном коридоре, медперсонал, снующий туда-сюда, не в счет. Она стояла у окна кроткая, с выражением обреченности на личике, тем не менее в ее фигуре и позе, в чуть приподнятых плечах, будто Яна при малейшей опасности готова втянуть голову, как черепаха в панцирь, чувствовалось напряжение. Она опасливо косилась на Никиту из-под приспущенных ресниц, тогда как он упал локтями на подоконник, повернул к ней голову и почти медово замурлыкал:

– Ну-с, святая простота, мы одни, скажи, какого черта тебе от меня нужно? Ты же прекрасно знаешь: это твой сын, но не мой.

– Никита, это наш с тобой сын, – пролепетала Яна, стыдливо покраснев.

Еле сдержался, чтобы не вlepить ей оплеуху, аж пальцы сжал в кулак со стоном, большего позволить себе не мог, а жаль.

– У меня на лбу написано «идиот»? – озлобленно рявкнул он.

– Зачем ты так...

– У-тю-тю! – издевательски хохотнул Никита. – Ты еще заплачь, овечка невинная. Как он может быть моим сыном, если я с тобой не спал? Ну что молчишь? Или будешь утверждать, будто мы с тобой трахались сутками напролет, а я этого не помню? Матери с отцом, Алике басни ты успешно навесила и радуйся. Пока радуйся. Ты у меня забрала родителей, скомпрометировала перед друзьями и знакомыми, по твоей милости я потерял женщину, которую любил, ты отравила мне жизнь и думаешь, все это тебе сойдет с лапок? Не знаю, каким образом ты смастерила себе сынка, а также чего хочешь, но какова бы ни была твоя цель... Про Данте слышала? Помнишь, что было написано на воротах ада? «Оставь надежду всяк сюда входящий». Ты меня поняла? (Яна только ниже опустила голову.) Доберетесь сами, я вам не извозчик.

Никита двинул по коридору, широко и быстро шагая, а Яна смотрела ему в спину до тех пор, пока не появились родители. Она не кинулась к сыну, отвернулась к окну, тем временем Альбина Павловна подошла, приговаривая:

– Вот и все. Какой хороший мальчик, почти не плакал, умница наша. Дед, дай плед, я закутаю Никитушку, а то просквозит его в машине... – Тут она заметила слезы на щеках внебрачной невестки. – Яночка, что с тобой? Ну вот, мальчик не плакал, а его мама плачет.

– Где Никита? – поинтересовался Ефим Геннадьевич.

– Сказал, чтоб добирались сами, и ушел, – сквозь слезы выговорила Яна.

– Что тут у вас случилось? – допрашивал он.

– Никита угрожал, что... что... Он меня ненавидит.

Яна разрыдалась, вторым голосом ей вторил малыш. Альбина Павловна принялась качать ребенка, поглядывая на мужа, а у того всегда найдутся слова в защиту сырых и убогих, правда, в несколько грубой форме:

– Не бери в голову. Ненавидит он! Это его проблемы, раньше надо было ненавидеть, когда под одеяло к тебе лез, говнюк. Не реви. Угрозы пускай засунет себе в одно место, засранец, а у тебя сейчас вон главная забота, на руках бабки.

– Люблю я его, – вырвалось у Яны, да с такой болью, что Альбина Павловна позволила себе высказаться при муже:

– И хорошо, Яна, мужчин надо любить, они потом оценят. Никита побесится и к нам придет. Он же какие слова писал по телефону, когда сын родился.

– Нет, не придет, – сказала Яна, вытирая со щек слезы. – И с вами поссорился из-за нас. Я поеду домой...

– И не думай даже! – рыкнул Ефим Геннадьевич.

– Да, Яночка, куда ты поедешь? – затахтела счастливая бабушка, прижимая к себе долгожданного внука. – Кто тебя там ждет? И как жить собираешься, на что? А у нас тебе и Никитушке будет хорошо. Куда нам четыре комнаты? Да наладится все, наладится. Дед, лови такси, не везти же мальчика на трамвае и троллейбусе, там вирусов полно.

– Спасибо вам, – растрогалась Яна.

Никита собирал чемодан в дорогу, он уже привык, что эту обязанность взяла на себя Алика, но теперь придется отвыкать. Настроение было прескверное, к потрясениям добавилось злословие. Откуда-то распространился слух, что свадьба расстроилась из-за девицы, которая привезла Никите подарок в коляске. Мало того, этот дурак (в смысле Никита) настоял на генетической экспертизе и получил по мордасам. Кто постарался оповестить офисных служащих и зачем? Не Герман, это не его стиль, Яна исключается, потому что вряд ли она с кем-то знакома. Может, Лялька? Она бывает на работе мужа только на корпоративных вечеринках, да и то редко, к тому же дорожит мужем, а тот ей устроит взбучку, если узнает, что она главный виновник сплетен. Значит, и не она. Но народ гудит, будто заняться нечем. Неважно, как коллеги относятся к данному факту, Никите плевать, тему обсосут за пару дней и заткнутся, в конце концов, появление младенцев на свет не преступление. И кому какое дело, сколько он наштамповал детей? Но кто-то старательно муссирует, что ведущий менеджер подонок, его уважают незаслуженно, он портит лицо фирмы – об этом рассказал ему в конце рабочего дня приближенный подчиненный. Разумеется, у Никиты есть «свои стукачи», ведь в век поголовной конкуренции полагаться на одни профессиональные качества опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.